

АДАПТИВНЫЙ ПОЖИРАТЕЛЬ

КНИГА I

Гладких Валентин

18+

Валентин Гладких

Адаптивный пожиратель 1

«Автор»

2026

Гладких В.

Адаптивный пожиратель 1 / В. Гладких — «Автор», 2026

Колонизационный корабль «Альтаир» должен был доставить людей к новому дому. Вместо этого он рухнул на планету, которую разведка считала пригодной и почти пустой. Майор Артём Савин приходит в себя в разбитой капсуле — с переломанным телом и хищным растением, проросшим в его раны. Повреждённый адаптивный комплекс выбирает единственный способ сохранить носителя: перестать сохранять человека. Теперь Савин способен поглощать чужую биомассу, перестраивать собственное тело и перенимать физиологические особенности убитых существ. Каждая новая возможность помогает выжить, но усиливает голод и всё дальше отдаляет его от прежней человеческой формы. Один в лесу, который пожирает всё живое, Савин должен добраться до обломков корабля, найти своих людей и понять, что именно сорвало экспедицию с курса. Главный вопрос уже не в том, сумеет ли он выжить. Вопрос в том, что от него останется, когда он выживет.

© Гладких В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1 — Падение	10
Глава 2 — Корни	22
Глава 3 — Кровь	32
Глава 4 — Кислота	42
Глава 5 — Вода	53
Глава 6 — Панцирь	64
Глава 7 — Тромб	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Валентин Гладких

Адаптивный пожиратель 1

Пролог

«Альтаир» пах металлом, пластиком и людьми.

У каждого корабля был собственный запах, хотя инженеры любили утверждать обратное. Фильтры гоняли один и тот же очищенный воздух, системы влажности держали цифры в зелёной зоне, а дезинфекторы исправно убивали всё, что могло размножиться без разрешения. И всё равно жилые секции пахли тёплой тканью, пищевыми смесями, машинным маслом, человеческим потом и тем слабым лекарственным холодом, который неизбежно появлялся там, где несколько тысяч человек спали больше века.

Я проснулся за шесть суток до расчётного выхода на орбиту.

Крышка криокапсулы поднялась бесшумно, но тело встретило возвращение в мир так, словно меня вытащили из ледяной воды и сразу заставили бежать. Мышцы дрожали. Горло царапало сухостью. Свет медицинского бокса резал глаза, а собственное сердце билось неровно, с обидными паузами, будто ещё не решило, стоит ли продолжать работу.

Над лицом всплыло стандартное сообщение.

[СИСТЕМА\] Реактивация завершена.

[Штатный адаптивный комплекс активен.]

[СИСТЕМА\] Гравитационная подготовка: этап первый.

Я попытался сесть и тут же пожалел. Желудок скрутило, в висках ударило, ладони покрылись холодным потом. Медицинский манипулятор удержал меня за плечо мягким захватом.

— Майор Савин, не торопитесь, — сказала капитан медицинской службы Белова.

Она стояла у соседней капсулы, худая после пробуждения, с собранными на затылке тёмными волосами и красными следами датчиков на шее. Выглядела она немногим лучше меня, но уже держала планшет и командовала двумя техниками, которые ещё не до конца понимали, где находятся.

— Я не тороплюсь, — ответил я. — Я очень медленно совершаю ошибку.

— Тогда совершайте её лёжа.

Я снова опустился на подголовник.

За прозрачной перегородкой просыпались остальные. Крышки капсул поднимались рядами. Кто-то кашлял. Кто-то плакал без звука, не успев понять почему. Женщина в гражданской секции прижимала ладони к животу и повторяла имя ребёнка, оставленного в другом криоблоке. Техник с выбритым виском смеялся, пока смех не перешёл в рвоту. После ста восьми лет сна человеческое достоинство возвращалось не первым.

Я закрыл глаза и заставил дыхание выровняться.

До старта «Альтаира» я был на Земле в последний раз. Не на той Земле из рекламных архивов — синей, просторной и обещающей бесконечное будущее, — а на тесной, перегретой планете, где орбитальные лифты делили небо с дымом промышленных зон. Мы улетали не первыми, но дальше всех. На борту находились строители, врачи, агрономы, инженеры, военные, дети и люди, которые должны были родить других детей уже под чужим солнцем.

Моя работа начиналась после посадки. Безопасность периметра, разведка, поиск угроз, эвакуационные протоколы. На бумаге всё выглядело серьёзно и разумно. На практике я проснулся с ватными ногами и не мог самостоятельно дойти до туалета.

Через четыре часа адаптивный комплекс заставил тело вспомнить, что оно принадлежит человеку, а не мешку с размороженным мясом. Наниты стабилизировали кровообраще-

ние, подстегнули обмен веществ и начали готовить мышцы к гравитации планеты, которая была почти на треть выше земной. Чудом тут и не пахло: ускоренная физиология оборачивалась судорогами, зверским аппетитом и ощущением, будто внутри костей медленно затягивают болты.

Белова провела сканирование и нахмурилась.

— Левая коленная связка хуже прогноза.

— Ходить буду?

— Будете. Бегать тоже. Вопрос — насколько громко при этом станете ругаться.

— Это уже зависит от обстановки.

Она не улыбнулась. На экране рядом с моим скелетом горели десятки жёлтых отметок — следы долгого сна, возраст, старые ранения, микроповреждения сосудов. У всех пробуждённых картина была похожей. Штатный комплекс помогал, но не превращал нас в новых людей. Он лишь давал старым телам шанс выдержать новый мир.

На второй день я впервые вышел в центральную галерею.

«Альтаир» оживал не сразу. В тёмных секциях загорались полосы света. По техническим коридорам шли ремонтные группы. Конвейеры кухни выпускали первые нормальные порции пищи, если серую кашу с запахом орехов можно было назвать нормальной. На обзорных панелях появлялись звёзды, а за ними — планета назначения.

Она занимала половину главного экрана.

Зелёно-чёрная, тяжёлая, затянутая облаками. Над экватором вращались два маленьких спутника, один из которых был изрезан светлыми полосами, словно его когда-то раскололи и небрежно собрали обратно. Полярные области скрывались под белёсым сиянием. На ночной стороне проступали длинные бледные дуги.

Я остановился перед экраном.

— Города? — спросил Руденко.

Сержант стоял рядом, прихлёбывая кофе из мягкого пакета. После пробуждения у него отекло лицо, но голос остался прежним — спокойным и немного насмешливым.

— Слишком ровные для природных образований, — сказал я. — Слишком тусклые для городов.

— Значит, древние руины.

— Значит, мы пока не знаем.

— С вами ужасно трудно мечтать, товарищ майор.

— Зато легко дожить до утра.

Первый разведывательный зонд ушёл к планете через шесть часов после нашего разговора. Мы смотрели на запуск из командного узла. Маленькая серебристая точка отделилась от корабля, раскрыла панели и исчезла в темноте. Телеметрия шла чисто: атмосфера плотная, кислорода достаточно, споровая нагрузка высокая, электромагнитный фон нестабилен.

На высоте семидесяти километров сигнал оборвался.

Не ослаб. Не зашумел. Просто исчез.

Второй зонд отправили по другой траектории. Он успел передать изображение верхнего слоя облаков — бурых, пронизанных зелёными вспышками. Затем связь пропала.

Третий был военным: усиленная защита, автономное возвращение, дублированный передатчик. Его запустили к ночной стороне. На экране несколько минут шла чёрная поверхность с редкими серебряными пятнами. Потом камера поймала одну из бледных дуг.

Я наклонился ближе.

Это была не река.

Дуга состояла из повторяющихся сегментов, каждый длиной в несколько километров. Они уходили за горизонт с одинаковым интервалом, будто кто-то проложил через континент гигантскую цепь. Между сегментами вспыхнул слабый свет.

Зонд развернулся сам.

— Команда не наша, — произнёс навигатор.

Капитан Хартман поднялся из кресла.

— Отрезать внешний канал.

— Уже. Он не отвечает.

Зонд изменил курс и пошёл вниз.

Последний кадр пришёл перед исчезновением: разрыв облаков, чёрный лес, белая вершина и тонкая вертикальная линия света, поднимающаяся с земли.

После этого в командном узле стало очень тихо.

Хартман приказал никому не покидать посты и собрал руководителей направлений. Мы стояли вокруг тактического стола, над которым вращалась модель планеты. На модели росли красные зоны неизвестности.

— Отказ техники возможен, — сказал главный инженер Вега. — Три аппарата могли попасть в один тип атмосферного разряда.

— На разных высотах, траекториях и сторонах планеты? — спросила Белова.

— Я сказал: возможен. Не вероятен.

— Нас обнаружили? — спросил руководитель научной группы Лин.

Никто не ответил сразу.

Мы прилетели к миру, который считался необитаемым. Автоматические наблюдения, сделанные больше века назад, не показали промышленной активности. В спектрах не было устойчивых выбросов. На поверхности не нашли ночного освещения, орбитальных конструкций или работающих передатчиков.

Но старые данные не обещали, что планета пуста. Они лишь говорили, что мы ничего не заметили.

— До подтверждения считаем внешнее воздействие возможным, — сказал Хартман. — Орбиту не снижаем. Подготовить четвёртый зонд на тросовой системе.

Я посмотрел на модель.

— И начать проверку эвакуационных капсул.

На меня повернулись несколько человек.

— Мы ещё не вошли в опасную зону, — заметил Лин.

— Три зонда исчезли. Один изменил курс без команды. Опасная зона уже здесь.

Хартман задержал взгляд на моём лице и кивнул.

— Савин прав. Проверить капсулы, ручные приводы и аварийные запасы. Без общей тревоги.

Так начались три дня, в которые все делали вид, что готовятся к обычной посадке.

В жилых секциях разворачивали оборудование. Дети проходили последние медицинские осмотры. Агрономы спорили о составе почвы, хотя ни одного образца у нас не было. Строители проверяли каркасы первых куполов. Люди записывали сообщения для потомков и снимали планету через обзорные панели.

Мои подчинённые проверяли то, чем обычно никто не интересуется до катастрофы: замки капсул, пироболты, автономные маяки, герметичность аварийных контейнеров, ручные механизмы сброса. Из ста двадцати восьми капсул девять потребовали ремонта. В двух не открывались внешние крышки. В одной система жизнеобеспечения показывала зелёный статус при пустом резервуаре кислорода.

— Когда всё работает, мы никому не нужны, — сказал Руденко, лёжа по пояс в технической нише. — Когда не работает, спрашивают, почему мы раньше не заметили.

— Поэтому замечай раньше.

— Вы лишаете меня права на философию.

— Философия после проверки седьмого ряда.

Седьмой ряд задал. Привод работал, но механизм ручного сброса шёл с таким усилием, что одному человеку его было не провернуть. Инженеры обещали заменить узел до выхода на орбиту.

Они не успели.

На четвёртый день корабль впервые дрогнул.

Не сильно. Чашка на столе сдвинулась на несколько миллиметров. Под ногами прошла низкая вибрация. Я был в тренировочном отсеке, где группа высадки училась двигаться под повышенной нагрузкой. Мы носили утяжелённые костюмы, и каждый шаг отдавался в позвоночнике.

Свет мигнул.

— Манёвр? — спросила Орлова.

Она отвечала за связь в моей группе и всегда задавала вопросы раньше, чем остальные успевали понять, что произошло.

— Не плановый, — сказал я.

На браслете загорелся вызов командного узла.

Хартман говорил быстро:

— Майор, переведите людей в готовность. Мы теряем орбитальную скорость.

— Двигатели?

— Исправны. Тяга есть. Эффекта недостаточно.

— Нас тянет к планете?

Пауза длилась меньше секунды.

— Да.

Общую тревогу ещё не объявили. Я велел группе снять тренировочные утяжелители, получить аварийное снаряжение и разойтись по секторам. В коридорах люди продолжали работать. Они видели красные значки на служебных панелях, но не знали, что корабль уже начал падать.

В командном узле воздух пах озоном. Навигаторы говорили одновременно, двигатели работали на предельной мощности, и от их вибрации зудели зубы. На главном экране планета стала заметно больше.

— Гравитационная модель не сходится, — сказал навигатор. — Источник воздействия смещается вместе с нами.

— Поле планеты не может смещаться вместе с кораблём, — ответил Вега.

— Передайте это полю.

Я подошёл к Хартману.

— Время до критической точки?

— Двадцать две минуты. Может быть меньше.

— Капсулы?

— Эвакуация пока не объявлена.

— Почему?

Он повернулся ко мне. Лицо у него было серым от усталости.

— Потому что после запуска капсул мы потеряем управление массой корабля и точно войдём в атмосферу. Пока остаётся шанс вытащить всех вместе.

Это был разумный ответ. Именно поэтому спорить с ним оказалось труднее.

— А если шанс закончится внезапно?

— Тогда вы сделаете свою работу.

Я посмотрел на планету. В облаках снова вспыхнули зелёные разряды. Они возникали не хаотично: несколько огней зажглись вдоль огромной дуги, которую видел третий зонд.

— Сколько нужно на полную эвакуацию?

— По протоколу двенадцать минут.

— По реальности — восемнадцать. Седьмой ряд не отремонтирован.

Хартман выругался тихо, почти беззвучно.

Корабль ударило второй раз.

На этот раз люди упали. Одна из консолей погасла. Где-то в глубине корпуса завывала аварийная сирена, но оборвалась на первой ноте. На схеме корабля вспыхнули три красных сектора.

В браслете раздался голос Беловой:

— Медицинский блок потерял питание. Криосекция три не отвечает.

Хартман закрыл глаза на мгновение.

Когда открыл, решение уже было принято.

— Общая эвакуация. Всем секторам. Запуск по готовности.

Сирена не завывала. Она ударила низким импульсом прямо в кости.

По кораблю побежал красный свет.

Я вызвал группу.

— Савин всем. Оставить всё, кроме аварийных комплектов. Гражданских — к ближайшим капсулам. Не ждать построения. Не пользоваться лифтами. Орлова, связь между секторами. Руденко, седьмой ряд. Я иду к вам.

— Принято, — ответила Орлова.

— Уже там, — сказал Руденко.

Коридор накренился. Люди вокруг замерли, а потом одновременно побежали.

В этот момент «Альтаир» перестал быть кораблём, который вёз нас к новой жизни.

Он стал огромной падающей ловушкой, внутри которой оставалось несколько тысяч человек.

Я побежал вместе с ними.

Глава 1 — Падение

Красный свет делал лица одинаковыми.

В коридоре не осталось учёных, военных, строителей и техников. Были только люди, которым приказали успеть до того, как металл вокруг них сложится внутрь. Кто-то бежал молча. Кто-то звал родственников. Кто-то тащил два аварийных контейнера и никак не мог решить, какой бросить.

Я двигался против потока.

Повышенная гравитация ещё не действовала в полную силу, но корабль уже терял нормальную ориентацию. Пол то уходил вниз, то вставал под углом. При каждом толчке людей бросало на стены. Пахло горячей изоляцией, потом и рвотой. Из потолочных швов сыпалась белая пыль.

— Не к центральным шахтам! — крикнул я. — Секторные капсулы ближе! Держитесь правой стороны!

Мужчина в сером рабочем комбинезоне стоял посреди прохода и смотрел на мигающую схему, не понимая, куда идти. Я схватил его за плечо.

— Какой жилой блок?

— Двенадцатый. Жена в детской секции.

— Детей ведут через медкоридор. Идите к капсулам Б-два. Там встретитесь.

Я не знал, встретится ли он. Сейчас людям требовалось направление, а не честный перечень способов умереть.

Браслет ожил треском.

— Майор, шестой сектор перекрыт, — сказала Орлова. На фоне её голоса били сирены. — Переборка не открывается. За ней около сорока человек.

— Обход через аграрный модуль.

— Там разгерметизация.

— Тогда техническая галерея под модулем. Люки двенадцать и четырнадцать.

— Она узкая.

— Зато с воздухом.

— Приняла.

Связь оборвалась. Я попытался вызвать Руденко.

— Седьмой ряд, ответьте.

— Мы вас слышим, — донёсся его голос. — Привод всё ещё изображает памятник инженерной мысли.

— Люди загружены?

— Девять капсул полностью. В десятой женщина с ребёнком, питание есть, сброса нет. Остальные подходят.

— Не запускай ряд, пока не освободишь десятую.

— Я и не собирался отправлять их в стену, товарищ майор.

Сверху раздался металлический треск. Я поднял голову и успел увидеть, как из потолка выходит длинный болт. Он ударился о пол, подпрыгнул и исчез под ногами бегущих людей.

Корабль дёрнуло в сторону.

Меня швырнуло плечом на переборку. Боль прошла от ключицы до пальцев. Рядом упала женщина. Аварийный кокон в её руках выскользнул и покатился по полу. Внутри за прозрачным пластиком закричал младенец.

Я поднял кокон, прижал к груди и помог женщине встать.

— Рука сломана? — спросил я.

Она попробовала пошевелить запястьем и побледнела.

— Да.

Я зафиксировал её предплечье ремнём от собственного подсумка.

— Капсулы за поворотом. Кокон не отпускайте.

— А вы?

— У меня плохая привычка идти туда, откуда остальные бегут.

Она хотела что-то сказать, но новый толчок погнал нас дальше. Я передал кокон ей в здоровую руку и дождался, пока двое техников подхватят её с обеих сторон.

До седьмого ряда оставалось меньше ста метров. На схеме путь выглядел чистым. В реальности половина коридора уже горела.

Из разорванного кабельного канала выбивалось голубое пламя. Система пожаротушения выпустила пену, но та тут же стекла по наклонному полу. За огнём двигались тени.

— Назад! — крикнул кто-то.

Люди начали разворачиваться. Я выдернул аварийный щит из ниши, накрыл им голову и вошёл в жар. Пластина быстро нагрелась. Воздух обжигал лёгкие даже через фильтр воротника.

За пылающим каналом оказались четверо подростков и пожилой мужчина. Они пытались тащить женщину с рассечённой ногой. Кровь оставляла на полу широкую дорожку.

— Щит над ней, — приказал я мужчине. — Остальные по одному. Не бегите. Смотрите под ноги.

— Там огонь!

— Я заметил.

Первого подростка я провёл за плечо. Второй поскользнулся в пене, и мне пришлось подхватить его за разгрузку. При третьем переходе защита на левом рукаве начала дымиться. Женщину перенесли последней. Она стискивала зубы, но не кричала. У самой границы огня лопнул ещё один кабель, и горячая дуга ударила по щиту. Металл вырвало из рук.

Мы вывалились в чистую часть коридора. Я хлопнул ладонью по горящему рукаву и содрал верхний слой ткани.

— Капсулы туда, — показал я. — Не останавливайтесь.

Пожилой мужчина посмотрел на меня так, будто хотел запомнить лицо.

Я отвернулся первым.

Седьмой ряд находился в отдельной шахте. Двери стояли открытыми. Внутри царил организованный хаос: люди укладывались в ложементы, фиксаторы защёлкивались, техники проверяли крышки. Капсулы висели вертикально вдоль стен, готовые уйти в пусковые каналы.

Руденко стоял у ручного привода десятой капсулы. Рядом двое бойцов тянули рычаг, но тот почти не двигался.

— Освободите площадку! — приказал я.

Внутри капсулы лежали женщина и мальчик лет десяти. Места были рассчитаны на одного взрослого или взрослого с ребёнком в дополнительном фиксаторе. Крышка закрылась, питание работало. На панели горела красная надпись: механический замок не отведён.

Я взялся за привод.

Металл был холодным и ребристым. Руденко встал рядом.

— На три, — сказал я. — Раз. Два. Три.

Мы надавили.

Рычаг не сдвинулся.

Корабль содрогнулся. Из шахты донёсся удар, похожий на выстрел тяжёлого орудия. Одна из уже запущенных капсул не вышла из направляющей. На схеме её канал погас.

Я не стал смотреть, сколько людей в ней было.

— Ещё раз.

Мы упёрлись ногами в пол. Мышцы спины свело. Ребристый металл впился в ладони. Рычаг пошёл на толщину пальца и снова остановился.

— Перекосило нижнюю тягу, — сказал Руденко.

— Доступ?

— Под платформой.

— Вскрывай.

Он лёг на пол и сунул мультитул в узкую щель. Я держал привод в натяжении. По ладоням потекла кровь. Штатный комплекс вывел перед глазами предупреждение о повреждении кожи, и я мысленно послал его вместе с инженерами, которые обещали заменить узел.

В капсуле мальчик смотрел на нас через крышку. Женщина обняла его одной рукой, второй прижимая ладонь к стеклу.

— Есть тяга, — сказал Руденко. — Погнута. Если срежу фиксатор, замок может уйти сразу.

— Срезай.

— Привод ударит.

— Я удержу.

— Майор...

— Работай.

Мультитул зажужжал. Запахло горячим металлом. Рычаг дрожал в руках, словно живой. Я перенёс вес вперёд, чувствуя, как подошвы скользят по крови.

Фиксатор лопнул.

Привод рванулся. Рукоять ударила меня в плечо, развернула и бросила на стену. В суставе что-то хрустнуло. Перед глазами вспыхнул белый свет.

Замок десятой капсулы открылся.

— Сброс! — крикнул Руденко.

Техник ударил по панели. Капсула сорвалась вниз и исчезла в шахте. Через секунду зелёным загорелся сигнал отделения.

Женщина и мальчик ушли.

Я проверил плечо. Рука двигалась, но при подъёме выше груди боль становилась острой. Вывиха не было. Пока хватит.

— Остальные запускай по готовности, — сказал я.

— Ваше место Б-четыре.

— Сначала люди.

— Это не обсуждение.

Он говорил спокойно, но смотрел на меня так, как смотрят подчинённые, когда готовы нарушить приказ ради командира. Я знал этот взгляд и не любил его.

— Орлова где?

— Последний сигнал из шестого сектора.

Я вызвал её.

Треск. Чужие крики. Потом голос:

— Мы в технической галерее. Двадцать семь человек. Выходим к капсулам В-один.

— Было сорок.

Пауза.

— Теперь двадцать семь.

Я зажал челюсть.

— Доведите их.

— А вы?

— Седьмой ряд почти ушёл.

— У вас четыре минуты до входа в атмосферу.

— Знаю.

— Артём...

Она редко называла меня по имени на службе.

Связь прервалась.

На центральной панели загорелась новая авария. Кормовая часть корабля начала разрушаться. Вибрация стала постоянной, глубокой, от неё немели зубы.

Мы запустили оставшиеся капсулы. Одна не ответила на команду, и техникам пришлось переводить её на ручное питание. В другой оказался пустой ложемент: человек ушёл искать сестру и не вернулся. Ждать его было нельзя. Руденко закрыл крышку и отправил пустую капсулу, потому что система не позволяла обойти последовательность пуска.

Когда последняя ушла, в шахте остались мы вдвоём и два техника.

— Б-четыре, — сказал Руденко. — Сейчас.

Техники побежали к своим местам. Я сделал шаг следом, но браслет ожил голосом Хартмана.

— Савин, центральный переход обрушился. В секторе Б-пять заблокированы люди.

— Сколько?

— Не знаю. Датчики мертвы.

— Путь?

— Через служебный коридор рядом с вами. Но времени нет.

Я посмотрел на дверь. До моей капсулы было меньше минуты. До Б-пять — примерно столько же в другую сторону.

Руденко слышал разговор.

— Не успеете вернуться.

— Возможно.

— Это не план.

— У тебя есть лучше?

— Есть. Сесть в капсулу и остаться живым.

За переборкой послышались удары.

Не корабль. Кто-то бил в дверь вручную.

Я открыл служебный коридор.

Там было темно. Аварийная подсветка тянулась по полу красными точками. Воздух уходил через повреждённую секцию, тянул дым и мелкий мусор. Я добрался до второй двери и увидел через маленькое окно людей. Их было шестеро. Среди них — техник с ожогами на лице и девочка в жёлтой куртке.

Механизм двери не работал.

— Отойдите! — крикнул я.

Я вставил мультитул в аварийный замок. Питания не было. Пришлось снимать панель и замыкать привод напрямую. Руки дрожали не от страха — от перегрузки и повреждённых ладоней. Провод выскользнул. Я поймал его, получил удар током и почувствовал запах собственной обожжённой кожи.

Дверь открылась на ладонь.

Люди навалились с другой стороны. Мы расширили щель.

— Куда? — спросил техник.

— Седьмой ряд пуст. Ближайшие капсулы Б-четыре и Б-шесть.

— Б-шесть разрушен.

— Тогда Б-четыре. Быстро.

Они пролезали по одному. Девочка оказалась последней. Когда я вытащил её, коридор снова качнуло. Потолочная балка рухнула между нами и остальными.

Я успел увидеть техника и ещё двух человек по другую сторону. Они отшатнулись.

— Обход! — крикнул я.

Техник посмотрел вверх, потом на меня. По его лицу я понял раньше, чем он ответил: обхода уже не было.

— Ведите ребёнка, майор.

Балка просела. Щель исчезла.

Девочка вцепилась в мою руку.

— Мама там.

Я не нашёл слов, которые могли бы исправить металл, время и падение многотонного корабля.

— Как тебя зовут?

— Лера.

— Лера, сейчас ты идёшь со мной. Не отпускай ремень.

Я дал ей свободный конец разгрузки и повёл назад.

Путь к Б-четыре занял меньше минуты и длился слишком долго. Пол накренился почти на сорок градусов. Нам приходилось цепляться за поручни. В одном месте коридор разошёлся трещиной, через которую было видно внутренности корабля: кабели, фермы, облако искр и чёрную пустоту за пробитой обшивкой.

У капсул толпились последние люди. Мест не хватало.

Руденко уже считал.

— В две капсулы можно добавить детей. Взрослых — нет.

Я передал Леру женщине в медицинском комбинезоне.

— Дополнительный фиксатор.

— Уже занят мальчиком.

— Они поместятся.

— Перегрузка...

— Поместятся.

Женщина не спорила. Она уложила девочку рядом с мальчиком, стянула их ремнями и закрыла крышку.

Остались трое взрослых и две капсулы.

Я посмотрел на Руденко.

— В мою сядет один.

— В вашу сядете вы.

— Сержант.

— Майор.

Один из оставшихся, пожилой инженер, поднял руки.

— У меня повреждён позвоночник. Я всё равно не выдержу запуск.

— Это определит медицина, — сказал я.

— Медицины здесь уже нет.

Он сел у стены. Вторым мужчиной попытался поднять его, но инженер оттолкнул руку.

— Не тратьте время.

Я ненавидел его за то, что он был прав.

Руденко втолкнул второго мужчину в свободную капсулу. Третий оказался молодым техником из навигации. Он стоял рядом с моей и смотрел на единственный ложемент.

— Садись, — приказал я.

— А вы?

— Найду другую.

Это была плохая ложь. Он понял.

— Нет.

— Это приказ.

— Вы нужны на поверхности.

— А ты, значит, нет?

Он молчал.

Корабль вошёл в верхние слои атмосферы.

Шум пришёл со всех сторон сразу. Обшивка загудела. Температура в шахте поползла вверх. С потолка полетели раскалённые частицы.

Руденко схватил техника и буквально бросил в капсулу. Я помог застегнуть фиксаторы. Крышка закрылась.

Теперь осталась моя.

И нас двое.

— Полезай, — сказал я Руденко.

— Не помещусь.

— Сломаем боковой фиксатор.

— И оба погибнем при отделении.

— Возможно.

— Вы сегодня часто используете это слово.

— День располагает.

Он ударил меня в грудь ладонью. Не сильно, но достаточно, чтобы я сделал шаг назад. Потом опустился к панели капсулы и активировал внешний привод.

Крышка начала закрываться.

Я успел сунуть руку в щель.

— Ты что делаешь?

— Работу.

— Руденко!

— На поверхности найдёте остальных. Это приказ, товарищ майор.

— Ты не можешь отдавать мне приказы.

— Значит, считайте просьбой.

Я попытался разжать крышку. Повреждённое плечо прострелило болью. Руденко нажал аварийный сброс. Фиксаторы втянули меня в ложемент, а крышка защёлкнулась.

Через стекло я видел его лицо. Дым уже заполнял шахту.

Он улыбнулся одними губами.

— Найдите нас там.

Капсула сорвалась.

Первый удар вдавил меня в кресло. Второй пришёл сбоку. За стеклом промелькнули внутренние конструкции шахты, затем огонь, затем чёрное пространство.

«Альтаир» висел над планетой разломанным светящимся телом.

Я увидел его всего на секунду. Кормовая часть отрывалась, разбрасывая обломки. Вокруг расходились десятки капсул, маленьких и хрупких. Некоторые включали двигатели. Другие вращались. Одна вспыхнула рядом и исчезла.

Потом система ориентации развернула меня к атмосфере.

\\СИСТЕМА\\ Отделение завершено.

\\СИСТЕМА\\ Траектория нестабильна.

\\СИСТЕМА\\ Внешнее гравитационное воздействие не классифицировано.

— «Альтаир», Савин. Приём.

В наушниках трещало.

— Орлова, Хартман, Белова, кто-нибудь. Приём.

На мгновение сквозь шум пробился голос:

— ...не включать... маяк... они...

Сигнал оборвался.

— Орлова? Повторите!

Ответа не было.

Облака выросли перед капсулой стеной. Верхний слой оказался серым, потом бурым, потом зелёным от разрядов, которые вспыхивали внутри тумана. Корпус затрясся. Перегрузка вдавила затылок в ложемент.

Штатный комплекс включился без запроса.

\[СИСТЕМА\] Гравитационная нагрузка: критическая.

\[СИСТЕМА\] Стабилизация кровообращения активна.

Сердце ударило сильнее. В мышцы будто впрыснули кипяток. Наниты не могли остановить падение, но старались не дать сосудам лопнуть раньше удара.

Правый двигатель капсулы погас.

Меня закрутило.

На экране мелькали бессмысленные цифры. Высота падала слишком быстро. Автопилот пытался выровнять траекторию, но что-то тянуло капсулу в сторону, словно невидимый трос.

Я отключил автоматику и дал ручной импульс левым двигателем. Вращение замедлилось. Через треснувшее обзорное окно я увидел поверхность.

Лес.

Не зелёное пятно на карте, а сплошное море громадных крон. Между ними торчали белые каменные иглы. Вдалеке поднимались горы. Над одной вершиной висел ровный вертикальный свет.

Тот самый, который видел зонд.

Капсула ударила верхушки деревьев.

Ветки толщиной с человеческое тело ломались о корпус. Каждое столкновение разворачивало меня. Стекло пошло трещинами. Внутри посыпались осколки панели.

Последний двигатель сработал слишком поздно.

Удар пришёл снизу.

Тьма была короткой.

Я вернулся от вкуса крови и хруста стекла под спиной. Во рту лежал осколок зуба. Я выплюнул его и несколько секунд просто дышал, проверяя, входит ли воздух в оба лёгких.

Капсула лежала боком. Ложемент перекошило. Левая нога была зажата между креслом и смятой панелью. В разбитое окно лезли широкие синие листья, покрытые тусклым воском.

Снаружи шёл дождь.

Капли били по корпусу тяжело, почти как мелкие камни. Воздух внутри пах кровью, горячей электроникой и сладкой растительной гнилью.

Я начал проверку с головы.

Зрение двоилось, но сходилось. Шея двигалась. Пальцы слушались. Правое плечо болело после удара приводом. Рёбра отзывались на вдохе. Левая нога чувствовала прикосновение — значит, нерв не перебит.

\[СИСТЕМА\] Сотрясение: вероятно.

\[СИСТЕМА\] Повреждение мягких тканей: множественное.

\[СИСТЕМА\] Кровопотеря: умеренная.

\[СИСТЕМА\] Рекомендуются неподвижность.

— Очень своевременно.

Я освободил ремни. Мир качнулся. Пришлось зажмуриться и дожидаться, пока тошнота отступит.

Панель, прижавшая ногу, весила слишком много. В земной гравитации я бы поднял её рывком. Здесь тело будто стало тяжелее вместе со всем вокруг. Мышцы уже получали поддержку комплекса, но адаптация не могла отменить физику.

Я нашёл аварийный домкрат под креслом. Рукоять погнулась. Пришлось вставить мультитул в шарнир и использовать его как рычаг. С первого раза крепление сорвалось. Панель опустилась, прижав бедро сильнее.

Боль стала белой и плотной.

Я остановился, выдохнул и попробовал иначе. Подложил под край обломок пластика, изменил угол, поднял на несколько сантиметров и выдернул ногу.

Кожа на голени была рассечена, но кость оставалась целой. Колено распухало. Я обработал рану остатком антисептика и наложил тугую повязку.

Когда стало ясно, что я ещё способен двигаться, я занялся тем, без чего долго не протяну. Аварийный контейнер застрял под смятой стенкой, карабин висел на ремне, ударившись прикладом о кресло, нож остался в ножнах, мультитул был при мне, а мягкая фляга уцелела в боковом кармане.

Контейнер пришлось вырезать. Внутри лежали два питательных брикета, фильтр, перевязочный пакет, коагулянт, термоплёнка, сигнальная лента и резервная вода. Одна ёмкость лопнула. Жидкость впиталась в упаковки. Вторая сохранила чуть больше половины.

Общий запас — около семисот миллилитров.

Я сделал один глоток и заставил себя остановиться.

Связь не работала. Внешняя антенна была оторвана. Маяк капсулы мигал красным, но после обрывка сообщения Орловой я не спешил включать полную мощность.

«Не включать маяк. Они...»

Кто — они?

Я перевёл маяк в пассивный режим и записал направление последнего сигнала. Точного положения система дать не могла, но импульс пришёл с северо-востока.

Снаружи лес молчал неправильно.

Дождь шумел по листьям. Где-то далеко раздавались низкие удары, будто огромный молот бил по пустому стволу. Под капсулой текла вода. Но не было привычного птичьего крика, шелеста мелких животных, жужжания насекомых. Звуки возникали редко и по одному, словно каждое живое существо здесь старалось не выдавать себя.

Я выбрался через разбитое окно.

Тяжесть мира навалилась сразу. Сапоги провалились в толстый мох. Воздух был горячим и влажным, но дождевые капли оставались холодными. Каждый вдох приносил запах мокрого камня, кислой зелени и чего-то мясного.

Капсула пробила несколько ярусов леса и застряла в чаше из чёрных корней. Стволы вокруг поднимались на десятки метров, широкие, ребристые, с плоскими кронами. Между ними висели белёсые нити. Под ногами росли синие листья, красные трубчатые грибы и прозрачные мешки, которые сжимались при моём приближении.

Я обозначил место падения сигнальной лентой, проверил карабин и сделал короткую передачу на минимальной мощности.

— Савин. Кто слышит — один щелчок в ответ. Координаты повреждены. Иду на северо-восток.

Тишина.

Я повторил через минуту.

В наушнике щёлкнуло.

Один раз.

Сигнал был слабым, но человеческим — или мне отчаянно хотелось так думать.

Я поднялся на корень, чтобы определить направление. Левая нога сразу напомнила о себе. Пришлось двигаться медленно, распределяя вес. С высоты двух метров я увидел между стволами металлический блеск.

Ещё одна капсула?

Я спустился и пошёл к нему.

Блеск оказался обломком внешней обшивки «Альтаира». Пластина глубоко вошла в дерево. Край металла был оплавлен. На мху лежали капли крови.

Человеческой.

Я присел. Капли тянулись на восток, но через несколько метров исчезали. Следов обуви не было. Что-то волокно раненого, или дождь уже смыл отпечатки.

Рядом я нашёл кусок ремня с номером медицинского сектора.

Белова могла быть жива.

Я убрал ремень в карман и услышал шелчок.

Звук пришёл слева, из-за корней.

Я поднял карабин и замер.

Сначала между растениями двигалась только длинная тень. Потом тень поднялась на шести коротких лапах. Существо было размером с крупную собаку, но гораздо ниже и шире. Плоское серое тело закрывал блестящий панцирь. Голова напоминала тупой клин. По обеим сторонам шеи дрожали полупрозрачные мешки, наполненные мутно-жёлтой жидкостью.

Глаз я не увидел.

Тварь втягивала воздух узкими щелями у пасти и поворачивалась точно вслед за запахом моей крови.

Я медленно отступил к обломку.

Стрелять сразу не стал. Патронов было мало, а неизвестное существо могло просто пройти мимо. Я бросил в сторону кусок мокрого мха.

Тварь не отреагировала.

Я провёл ножом по металлу.

Она повернулась на звук, но не пошла.

Запах. Возможно, тепло.

Я сместился против ветра.

Существо последовало за мной.

Теперь всё было ясно.

Я прицелился в сочленение передней лапы и нажал спуск.

Выстрел ударил по лесу слишком громко. Пуля пробила тонкий участок панциря. Тварь припала к земле, но не отступила. Второй выстрел вошёл ближе к шее.

Я ожидал броска.

Вместо этого мешки раздулись.

Я увидел движение и успел повернуть карабин поперёк лица.

Струя мутно-жёлтой жидкости ударила в ствол.

Металл зашипел. Кислота мгновенно разъела покрытие, потекла к затвору и брызнула на левый рукав. Ткань почернела. Жар впился в предплечье.

Плевун.

Имя пришло само и больше ничего объяснять не требовало.

Я выронил оружие и сорвал рукав вместе с верхним слоем кожи.

Боль выбила воздух. На несколько секунд мир сузился до обожжённой руки, дождя и собственного крика, который я не сразу узнал.

Тварь пошла вперёд.

Не быстро. Она знала, что добыча ранена.

Карабин лежал между нами. Затвор уже плавился. Даже если бы я поднял оружие, стрелять оно больше не могло.

Я отступил к капсуле, удерживая нож правой рукой. Левая висела у груди. Существо двигалось боком, подставляя панцирь. Из пробоин сочилась тёмная жидкость, но раны не останавливали его.

Я ошибся, посчитав мешки только оружием.

Они были ещё и защитой. Кислота вытекала по шее, растворяя кровь и закрывая повреждения пеной.

Тварь бросилась.

Я нырнул за корень. Когти прошли по спине, распорили внешний слой комбинезона и ударили по защите. Меня швырнуло лицом в мох. Нож вылетел из руки.

Существо развернулось быстрее, чем позволяло его тяжёлое тело.

Я схватил сигнальную ленту, дёрнул её между двумя выступами корня и отполз. План был простым: заставить тварь пересечь натяжение и потерять равновесие.

Она остановилась перед лентой.

Щели у пасти втянули воздух.

Не видит. Чувствует запах. Возможно, ощущает вибрацию.

Я бросил окровавленный кусок рукава за ловушку.

Тварь повернулась к нему и пошла.

Передняя лапа коснулась ленты. Она не упала. Просто перерезала материал когтем.

— Разумеется.

Мешки снова начали раздуваться.

Я перекатился за обломок капсулы. Кислота ударила в металл. Обшивка выдержала, но едкий пар накрыл лицо. Глаза обожгло. Я почти вслепую пополз вдоль корпуса.

Рядом лежал аварийный контейнер.

В контейнере оставались вода, медикаменты и почти всё, что ещё позволяло мне считать себя обеспеченным хотя бы на ближайшие часы. Тварь обошла капсулу с другой стороны, отрезая меня от ножа.

Я мог отступить в лес и оставить ей всё. Но без воды, перевязки и инструмента долго не прожил бы. Кроме того, существо шло на кровь. Оно последовало бы за мной.

Пришлось убивать.

Я выдернул из разбитой обшивки длинную металлическую пластину. Один край был ровным, другой — загнутым. Получилось плохое копьё длиной с руку.

Тварь появилась из-за корпуса.

Я ударил в шею. Пластина скользнула по панцирю. Существо мотнуло головой и сбilo меня с ног. Коготь вошёл в бок комбинезона, прошёл через ткань и рассёк кожу под рёбрами.

Я отполз, прижимая рану локтем.

Кровь запахла резко, железом.

Мешки на шее хищника раздулись сильнее.

Он готовился плевать почти в упор.

Я схватил контейнер и бросил ему под морду.

Кислота ударила в пластик. Крышку расплавил. Оставшаяся в повреждённой ёмкости вода, фильтрующий порошок, коагулянт и едкая жидкость смешались. Реакция оказалась мгновенной: белая пена взорвалась вверх.

Тварь отшатнулась.

Нижняя часть морды начала расползаться. Один мешок лопнул и залил кислотой её собственную переднюю лапу. Существо забилось, царапая землю.

Я поднялся.

Левая нога подломилась. Я упал на колено, но удержал пластину.

Тварь всё ещё была опасна. Она ударила головой, едва не выбив оружие. Я пропустил её мимо и вогнал рваный край под панцирь у раненой передней лапы.

Пластина вошла неглубоко.

Существо развернулось и придавило меня боком к корню. Рёбра хрустнули. Из лёгких вышел весь воздух. Пасть раскрылась рядом с лицом — без зубов, но с несколькими кольцами твёрдых режущих пластин.

Я толкнул металл обеими руками.

Обожжённая левая рука взорвалась болью.

Пластина прошла глубже.

Тварь дёрнулась. Кислота из разорванного мешка потекла по моему оружию. Металл зашипел, стал мягким. У меня оставались секунды.

Я навалился всем весом и провернул пластину.

Внутри что-то лопнуло.

Существо забилось, ударило лапой по бедру и отбросило меня. Я не чувствовал ногу ниже таза. На мгновение решил, что кость сломана.

Хищник попытался подняться. Передняя лапа уже растворялась. Пена шла из пасти. Он сделал один шаг, второй, потом рухнул.

Я подполз и вбил остаток пластины под панцирь ещё раз.

Держал, пока движения не прекратились.

Дождь смывал кровь с лица. Я лежал рядом с мёртвой тварью и слушал собственное дыхание. Каждый вдох отзывался в рёбрах. Обожжённая рука дрожала. Бок был рассечён. На бедре быстро росла тёмная гематома.

Но я был жив.

Пока.

Я нашёл нож, вернулся к контейнеру и вытащил то, что не успело раствориться. Мягкая фляга уцелела, потому что оставалась на мне. В контейнере сохранились мультитул, термомплёнка и один перевязочный пакет. Брикеты превратились в едкую кашу. Фильтр был уничтожен. Коагулянт ушёл в реакцию.

Я промыл ожог несколькими драгоценными глотками воды. Стиснул зубы, снял расплавленную ткань и закрыл руку повязкой. Рану на боку стянул полосой термоплёнки и фиксирующим пластырем.

Карабин поднять удалось только за ремень. Ствол был выгнут, затвор превратился в чёрную массу. Я вынул магазин и оставил патроны. Само оружие стало бесполезным куском металла.

Я положил его рядом с капсулой.

Тварь начала растворяться.

Кислота вытекала из повреждённых мешков, разъедала её собственную плоть и мох под телом. Через несколько минут серый панцирь потемнел, мягкие ткани превратились в дымящуюся слизь. Я попытался отделить неповреждённый участок ножом, но материал рассыпался.

От добычи не осталось ни мяса, ни воды, ни ткани, которую я мог бы унести с собой, — только едкий запах, от которого слезились глаза.

Я отошёл к корням и сел, прижав повреждённую руку к груди. Нужно было уходить. Выстрелы могли привлечь других хищников. Полная темнота приближалась, хотя определить местное время я не мог.

Я снова включил связь на минимальной мощности.

— Савин. Кто слышит — ответьте.

Сначала ничего.

Потом в шуме возник голос Орловой, такой слабый, что я едва разобрал слова:

— ...не включать... они видят... сигнал...

— Орлова, координаты!

— ...север... корабль...

Треск поглотил остальное.

Я записал направление и выключил передатчик.

У меня появилась цель. Северо-восток. Найти высоту, проверить след крови, обнаружить людей и понять, кто видит наши сигналы.

Я поднялся.

Левая нога выдержала, хотя бедро горело. На первый шаг ушло больше сил, чем хотелось признать.

Тогда я заметил белые нити.

Они выходили из мха возле капли моей крови. Тонкие, почти прозрачные, они медленно ложились на землю и поворачивались в сторону повязки на обожжённой руке.

Я отступил.

Нити ускорились.

Из-под корня поднялся красноватый стебель, покрытый мелкими влажными буграми. На его конце раскрылась мясистая чашка с тонкими иглами внутри.

Я поднял нож.

Кислотный хищник был мёртв. Карабин уничтожен. Воды осталось меньше половины фляги. За спиной лежала разбитая капсула, впереди — чужой лес, в котором что-то уже научилось искать человеческие сигналы.

Белая нить коснулась края моей повязки.

И прожгла ткань.

Глава 2 — Корни

Белая нить коснулась края повязки.

Ткань потемнела и зашипела. Не так, как под кислотой хищника: здесь не было дыма и мгновенно расплзающейся дыры. Волокно выделяло прозрачную влагу, которая медленно размягчала пластырь, раздвигала волокна и прокладывала себе путь к крови.

Я рубанул ножом.

Нить лопнула с влажным щелчком. На лезвие брызнул бесцветный сок, густой, как яичный белок. Запах ударил сразу — сладкий, перебродивший, с примесью сырого мяса.

Остальные волокна замерли.

Их было больше, чем я заметил сначала. Они лежали на мху тонкой белой сетью, тянулись из-под корней, обвивали нижнюю часть капсулы и уже добрались до следов крови возле мёртвого кислотного хищника. Там, где сок касался бурых пятен, мох сворачивался и становился прозрачным.

Растение не бросалось вслепую. Оно находило питание.

Я отступил, перенося вес на правую ногу. Левое бедро отзывалось тупым жаром, колено плохо сгибалось. Правое плечо не позволяло поднять руку выше груди, а обожжённое предплечье пульсировало под размокшей повязкой.

Лучшего времени для знакомства с местной ботаникой планета выбрать не могла.

Нити поползли.

Я подхватил флягу, мультитул и остаток термоплёнки. Повреждённый контейнер оставался возле капсулы; тащить его одной рукой было неудобно, но бросать патроны и инструменты я не собирался. Я продел ремень через уцелевшую петлю и перекинул его на здоровое плечо.

Белое волокно обвило носок сапога.

Я дёрнул ногой. Нить натянулась и не порвалась. Тогда я прижал её подошвой к металлическому обломку и перерезал. Из среза выступил сок. Оставшаяся часть тут же втянулась под мох.

Слишком быстро для обычной лианы. И всё же в её движениях не было ничего, кроме слепой реакции на тепло, кровь и повреждение: ни поискового взгляда, ни попытки обойти меня, ни поведения, которое требовало бы разума.

Из-под корня поднялся красноватый стебель толщиной с запястье. Он не рос на глазах — просто распрямился, прежде лежавший в складке грунта. Поверхность покрывали мелкие влажные бугры. На конце раскрылась мясистая чашка без лепестков. Внутри блестели десятки полых игл.

Я шагнул в сторону.

Чашка повернулась за кровью на повязке.

Рабочее название пришло само.

Кроволист.

Глупо было давать имя тому, что собиралось меня переварить, но неназванная угроза всегда казалась больше. С названием она становилась объектом. Объекты можно изучать и уничтожать.

Я бросил окровавленный кусок ткани к основанию соседнего дерева.

Чашка резко склонилась туда. Нити, лежавшие между мной и лесом, тоже изменили направление, потянулись к приманке.

Проход открылся.

Я пошёл, стараясь не хромать сильнее обычного. Первые пять шагов дались. На шестом мох под правой ногой просел.

Из земли выстрелила петля.

Она захлестнула голень поверх сапога и дёрнула назад. Я упал на колено. Боль ударила в повреждённое бедро, контейнер сорвался с плеча и проехал по мху.

Ещё две петли легли на пояс.

Я развернулся и перерезал ближайшую. Вторая сжалась вокруг бедра, вдавливая ткань в гематому. Третья скользнула по спине, нашла рассечение на боку и остановилась у края термоплёнки.

Я ударил ножом вслепую.

Лезвие прошло мимо. Волокно протиснулось под плёнку.

Холодный кончик коснулся открытой раны.

Я рванулся так, что в рёбрах что-то хрустнуло. Нить вышла вместе с кровью, но успела оставить после себя жгучий след. Я перерезал её и пополз к корню, используя нож как крюк.

Кроволист не преследовал меня одной лозой. Вся площадка вокруг капсулы оказалась его ловушкой. Мох скрывал переплетённые каналы и полые корешки. Они реагировали на давление и запах, поднимались там, куда я ставил ногу, и пытались прижать добычу к земле.

Я дошёл до толстого чёрного корня, подтянулся и вскарабкался на него.

Белые нити не остановились. Они полезли по ребристой поверхности следом.

Высота не спасала.

Я посмотрел на капсулу. Её смятый корпус стоял в чаше корней, вокруг которой сгушалась белая сеть. Если растение росло из одного центра, мне нужно было найти его и перерубить. Если центров было несколько, я зря тратил время.

Чашка кроволиста всё ещё склонилась над брошенной повязкой. Стебель уходил под мох рядом с капсулой.

Я вытащил из кармана патрон.

Без карабина он был почти бесполезен. Но внутри оставался порох, а в капсуле — энергия. Я зажал патрон мультитулом, вытащил пулю и высыпал порох на полоску термоплёнки. Получилось мало. Для пожара недостаточно. Для вспышки — возможно.

План требовал вернуться туда, откуда я только что вырвался.

Разумные решения сегодня закончились раньше воды.

Я обмотал плёнку вокруг сухой волокнистой оболочки, найденной на корне, добавил несколько нитей сигнальной ленты и закрепил свёрток на металлической пластине. Мультитул мог дать искру от повреждённого аккумулятора, если замкнуть контакты.

Оставалось добраться до стебля.

Я спустил контейнер с корня на ремне, оставил его висеть над землёй и пошёл обратно налегке. Белые нити уже поднялись навстречу. Я резал только те, что касались ног, и не останавливался. Чем больше я рубил, тем сильнее вокруг пахло сладким соком.

Стебель повернулся ко мне.

Иглы внутри чашки раскрылись веером.

Я бросил в сторону флягу.

Кроволист не отреагировал.

Значит, не звук. Не движение. Только биологический след.

Я провёл ножом по собственной ладони.

Неглубоко. Кожа и без того была разодрана после ручного привода. Выступившая кровь мгновенно изменила всё.

Чашка дёрнулась. Нити поползли ко мне со всех сторон.

Я отступил к капсуле, оставляя красные капли. Когда стебель вытянулся над мхом, я бросил под него свёрток и замкнул контакты мультитула.

Вспышка получилась яркой и короткой.

Порох хлопнул. Сухая оболочка загорелась. Огонь лизнул стебель.

Кроволист резко согнулся. Чашка закрылась. Из мха одновременно поднялись десятки нитей и хлестнули по металлу, земле, моим ногам.

Я ожидал, что огонь заставит растение отступить.

Вместо этого вся скрытая сеть пришла в движение.

Петля захватила запястье с ножом. Другая обвила шею. Я успел просунуть пальцы под волокно, прежде чем оно сдавило горло, но рука оказалась прижата к подбородку. Нить на запястье потянула нож вниз.

Я удержал рукоять.

Стебель горел плохо. Его влажная поверхность только чернела и выделяла густой пар. Огонь угасал.

Ошибка.

Я ударил пяткой по металлической пластине. Она перевернулась, прижав горящий свёрток к основанию стебля. Кроволист сжался, и петля на шее затянулась сильнее.

Перед глазами поплыли тёмные пятна.

Я перестал тянуться к ножу и схватил волокно обеими руками. Повреждённое плечо сразу отказало. Силы одной руки не хватало.

Тогда я упал назад с корня.

Вес тела рванул петлю. Она не порвалась, но соскользнула с влажного воротника на подбородок. Я вдохнул.

Нож выпал в мох.

Нити потащили меня к стеблю.

Я упёрся сапогами в корпус капсулы. Подошвы заскользили. Белые волокна обвили голень, пояс, грудь. Одно попало под край повязки на левом предплечье.

Холод коснулся ожога.

Нить вошла в ткань без сопротивления.

Не проколола. Раздвинула размягчённую кислотой кожу и скользнула внутрь.

Я закричал.

В предплечье что-то двигалось. Тонкое, холодное, невероятно быстрое. Оно прошло вдоль сосудов к локтю и разветвилось. Кожа над ним поднялась тёмной дорожкой.

Интерфейс вспыхнул перед глазами.

[СИСТЕМА] Иностранная биологическая структура.

[СИСТЕМА] Глубокое сосудистое внедрение.

[СИСТЕМА] Аварийное отторжение начато.

Жар ударил изнутри.

Наниты подняли температуру в повреждённой руке. Мышцы свело. По венам будто пустили кипящую соль. Волокно под кожей задёргалось и замерло, но не разрушилось.

Кроволист потянул сильнее.

Ещё одна нить вошла в рассечение на боку.

От боли я потерял опору. Спина ударилась о металл. Воздух вышел из лёгких. Волокно проскользнуло между мышцами и двинулось под рёбрами.

Паника требовала рвать их из себя.

Я схватил нить у раны и потянул.

Она вышла на несколько сантиметров вместе с тёмной кровью. Боль стала такой, будто из тела вытаскивали нерв. Волокно оборвалось. Оставшаяся часть мгновенно ушла глубже.

Перед глазами появилась новая строка.

[СИСТЕМА] Отторжение неэффективно.

[СИСТЕМА] Повреждение сосудов: нарастает.

Я перестал дёргать.

Сначала убить источник. Потом решать, что делать с тем, что уже внутри.

Нож лежал в двух метрах, почти скрытый мхом. Правая рука была свободна, но до оружия не дотянуться. Мультитул всё ещё висел на страховочном шнуре у пояса.

Я раскрыл его одной рукой и выдвинул короткое режущее лезвие.

Нить на груди сдавила сильнее. Игольчатая чашка кроволиста опустилась ко мне. Из игл выступили прозрачные капли.

Я ударил мультитулом по ближайшему волокну. Короткое лезвие не перерезало его с первого раза. Пришлось пилить. Нить лопнула, хлестнула по лицу и рассекла щёку.

Освободив правую руку, я перерезал петлю на поясе, затем на голени.

Стебель был в полутора метрах. Обугленное основание стало мягче.

Я подтянулся на локте и вогнал мультитул в чёрную ткань.

Из разреза хлынул густой красный сок.

Кроволист дёрнулся. Нити вокруг меня сжались одновременно. Волокно внутри предплечья тоже натянулось, словно его внешняя часть оставалась связана со стеблем.

Я провернул мультитул.

Стебель раскрылся вдоль волокон. Внутри не было древесины — только влажные белые тяжи и несколько полых каналов, по которым пульсировал тёплый сок.

Я резал снизу вверх, используя весь вес тела. Мультитул застревал. Пальцы скользили по крови.

Чашка ударила меня в плечо. Иглы прокололи ткань у ключицы, но не успели войти глубже. Я оттолкнул её локтем и продолжил резать.

Стебель лопнул.

Верхняя часть упала на мох. Чашка закрылась. Белые нити заметались ещё несколько секунд, потом ослабли и легли на землю.

Тишина вернулась резко.

Я лежал, не двигаясь, и слушал дождь.

Внутри левой руки продолжало что-то шевелиться.

В боку — тоже.

Я поднялся на колени. Окружающая сеть не двигалась. Возможно, я уничтожил основной питающий узел. Возможно, только один из них.

Нужно было уходить.

Я поднял нож, подтянул контейнер и сделал шаг.

Левая нога не выдержала. Я упал.

Не из-за колена.

Жар распространился от предплечья в грудь. Вены под кожей потемнели. Сердце ускорилось. В висках застучало.

\[СИСТЕМА\] Иммунное отторжение продолжается.

\[СИСТЕМА\] Чужеродная ткань интегрирована в повреждённые сосуды.

\[СИСТЕМА\] Прогноз выживания при полном удалении: низкий.

\[СИСТЕМА\] Ресурсы восстановления: критически недостаточны.

Я прислонился к капсуле.

Удалить волокна хирургически было невозможно. Они уже разветвились, использовали мои раны как вход и уходили глубже, чем позволяли нож и знания полевой медицины. Наниты пытались уничтожить их, одновременно заделывая повреждённые сосуды. Чем сильнее они жгли чужую ткань, тем сильнее кровоточили мои собственные раны.

На ладони выступили красные точки.

Я вытер их о штаны. Кровь появилась снова, уже между линиями кожи.

Интерфейс мигнул.

\[СИСТЕМА\] Кровопотеря: опасная.

\[СИСТЕМА\] Возможный аварийный сценарий: структурная интеграция.

\[СИСТЕМА\] Риск необратимых изменений: высокий.

— Отказать.

Сообщение исчезло.

Я знал устройство комплекса. Он выполнял команды носителя, пока носитель оставался в состоянии их отдавать и пока запрет не вёл к немедленной смерти. В госпиталях аварийная интеграция означала использование любых совместимых материалов: синтетических сосудов, временных мембран, донорских тканей.

Но здесь донором было растение, которое минуту назад пыталось выпить меня через иглы.

Я затянул повязку на предплечье сильнее, прижал термоплёнку к боку и попробовал встать.

Получилось.

Я сделал три шага.

На четвёртом кровь потекла из носа.

На пятом ноги подкосились.

Я упал в углубление между корнями. Там стояла вода — тёмная, пахнувшая железом и гнилью. Глубина была по щиколотку, но дно уходило вниз впереди. Дождь и сток с деревьев быстро наполняли низину.

Я попытался выбраться на склон. Мох оторвался под пальцами. Под ним лежала гладкая чёрная кора, покрытая слизью.

Жар перешёл в озноб.

Зубы застучали. Пальцы перестали слушаться.

\[СИСТЕМА\] Потеря сознания вероятна.

\[СИСТЕМА\] Полное отторжение приведёт к критическому повреждению сосудов.

\[СИСТЕМА\] Аварийная интеграция доступна.

Я снова приказал отказать.

Комплекс подтвердил.

Я пополз до выступа корня и обмотал вокруг него ремень контейнера. Если отключусь, хотя бы не сползу в воду.

Дождь усилился. Поток между корнями поднялся до середины голени.

Где-то справа раздался тяжёлый треск.

Не ветка. Шаг.

Затем второй.

Земля под ладонью дрогнула.

Я выключил подсветку интерфейса и замер. Между стволами двигалось что-то большое. Я видел только части силуэта: массивную спину выше человеческого роста, четыре длинные опоры, серые складки кожи. Существо шло медленно, раздвигая подлесок грудью. На его голове или плечах поднимались ветвистые костяные пластины.

Оно остановилось возле останков кислотного хищника.

Воздух наполнился низким гулом. Не рёвом — вибрацией, от которой вода пошла кругами.

Большая тварь наклонилась. Из-под её корпуса вытянулся длинный гибкий отросток и коснулся дымящейся слизи.

Мне не нужно было знать, хищник это или падальщик. В моём состоянии разницы не было.

Я медленно подтянул ноги, стараясь не плеснуть водой.

Ремень на корне скрипнул.

Существо подняло голову.

Костяные пластины повернулись в мою сторону.

Я задержал дыхание.

Вода поднялась до колен.

Большая тварь сделала шаг.

Корень рядом со мной треснул под её весом. Между нами оставалось около двадцати метров и плотная стена растений, которая для существа не представляла препятствия.

Я попытался отползти глубже в расщелину. Левая ладонь соскользнула по коре.

Кожа на ней раскрылась.

Не порезалась снаружи. Разошлась изнутри по центральной линии.

Я увидел красную щель и белое волокно под ней.

Боль пришла через долю секунды.

Ладонь будто раздвинули металлическим клином. Волокно пробило кожу, вытянулось на несколько сантиметров и упало в воду. Следом раскрылась правая ладонь.

Я закусил рукав, чтобы не закричать.

[СИСТЕМА] Аварийная интеграция инициирована.

[СИСТЕМА] Приоритет: сохранение кровообращения и объёма жидкости.

— Я отказал...

Голос не получился. Только хрип.

Комплекс не отвечал словами. Он исполнял протокол, потому что мои показатели пересекали границу, после которой отказ перестал считаться жизнеспособной командой.

Жар вернулся.

Чужеродные волокна внутри рук начали разрастаться, но теперь не хаотично. Наниты разрушали часть ткани и направляли оставшуюся вдоль сосудов. Я чувствовал это как медленное выворачивание мышц. Каждый новый канал прокладывался через живое мясо.

Белые нити из ладоней удлинились.

Они не двигались сами. Просто лежали в воде, дёргаясь вместе с судорогами моих пальцев.

Большое существо подошло ближе.

Я увидел его между листьями. Передняя часть тела была закрыта серыми пластинами, похожими на наложенные друг на друга камни. Глаз не было видно. Из-под головы свисали тонкие чувствительные усики, которые касались земли.

Оно искало источник звука или запаха.

Вода уже доходила мне до бёдер. Поток становился сильнее.

Я попытался напрячь ладонь.

Ничего.

Белое волокно лишь дрогнуло.

Боль в груди усилилась. Нить, проникшая через бок, разветвлялась под рёбрами. Я чувствовал каждое новое ответвление как горячий надрез.

Существо остановилось у края углубления.

Один усик коснулся воды.

Я снова напряг правую ладонь, представляя простое движение: сжать пальцы, подтянуть к себе.

Волокно сократилось на несколько сантиметров.

Это было не чужое движение. Сигнал пришёл из моей нервной системы, такой же осознанный, как команда согнуть палец.

Я повторил.

Нить втянулась в ладонь.

Боль при обычном сокращении не усилилась. Она шла от продолжающейся перестройки, не от самого движения.

Я выпустил волокно снова и направил к корню над головой. Контролировать конец было трудно. Он падал, скользил по мокрой коре. С третьей попытки зацепился за глубокую борозду.

Я потянул.

Тонкая нить выдержала часть веса.

Большая тварь шагнула в воду.

Глубина скрыла её переднюю конечность до сустава. По поверхности прошла волна и ударила мне в грудь.

Я выпустил второе волокно из левой ладони. Оно легло на другой выступ. Управление было хуже: ожог и продолжающаяся перестройка мешали чувствовать направление.

Я подтянулся обеими руками и ремнём.

Правое плечо прострелило. Рёбра сжались. Левая нога волочилась.

Но я поднялся на полметра.

Существо наклонило голову. Усики потянулись к месту, где я только что лежал.

Ещё рывок.

Корень под правой нитью размок и раскрошился. Волокно сорвалось. Я ударился боком о склон, и свежая боль прошла под рёбрами.

Большая тварь дёрнулась на звук.

Мне оставался один шанс.

Я направил правое волокно не к коре, а к рассечённому стеблю кровохлебки, зажатому между корнями. Конец коснулся влажной ткани.

Ладонь почувствовала это.

Не запах и не вкус. Давление, температуру и влажность — слабые сигналы, пришедшие по новому нервному каналу.

Я сжал пальцы.

Волокно вошло в срез.

В руку хлынула холодная жидкость.

Не поток, способный наполнить тело. Несколько глотков, растворённых в горьком растительном соке. Но пересохшее горло отозвалось мгновенно. Сердце ударило сильнее.

Вместе с влагой пришло другое ощущение.

Голод.

Не обычный спазм пустого желудка. Он возник в ладонях, прошёл по предплечьям и сжался под рёбрами. Организм распознал свежую ткань как ресурс и потребовал продолжения.

Отвращение едва не заставило меня разорвать контакт.

Большая тварь подняла голову.

Я втянул волокно, перехватил корень выше и потянулся вверх. Воды и сил хватило на один рывок. Я перевалился через выступ в узкую щель между двумя чёрными корнями.

Существо ударило усиками по склону. Один прошёл в нескольких сантиметрах от сапога.

Я замер.

Тварь не могла просунуть массивную голову в щель. Она несколько раз провела усиками по коре, издала низкий гул и осталась ждать.

Перестройка продолжалась.

Я лежал в темноте, прижав ладони к груди. Кожа на них раскрывалась шире. Белые волокна втягивались и снова выходили во время судорог. Под запястьями проступили тонкие тёмные жилы.

В какой-то момент я перестал различать отдельные волны боли.

Было только тело, которое переделывало себя без моего согласия, вода под щелью и огромное существо снаружи.

Я потерял сознание.

Очнулся от холода.

Дождь закончился. Вода в низине спадала. Серый свет между кронами стал темнее — приближалась ночь.

Большой твари не было. На склоне остались глубокие следы, наполненные водой, и несколько сломанных костяных чешуек размером с ладонь.

Я лежал в той же щели. Ремень контейнера по-прежнему был обмотан вокруг корня. Нож находился в ножнах. Мультитул висел на страховочном шнуре.

Я начал с дыхания: больно, но ровно. Левая нога слушалась плохо, однако чувствительность сохранилась; правое плечо лучше не стало. Ожог на предплечье покрылся тёмной коркой, а рана на боку перестала активно кровоточить, хотя края всё ещё расходились.

Ладони изменились.

Посередине каждой тянулся неровный тёмно-красный рубец длиной почти с палец. Кожа вокруг опухла. Под ней ощущался новый канал — не предмет и не паразит, а часть тела, к которой нервная система уже успела подобрать управление.

Я медленно разжал правую ладонь и напряг мышцу, которой вчера у меня не было.

Из рубца вышло белёсое волокно.

Длиной около двадцати сантиметров. Тоньше шнурка. Поверхность покрывали микроскопические тёмные ворсинки.

Я коснулся им коры.

Ощутил холод, шероховатость и влагу.

Никакой новой боли.

Только необычное касание, как если бы у меня появился очень тонкий шестой палец.

Я втянул волокно. Рубец сомкнулся вокруг него.

Повторил левой рукой. Управление было медленнее, но работало.

[СИСТЕМА\] Аварийная интеграция завершена.

[СИСТЕМА\] Сформированы ограниченные проводящие каналы.

[СИСТЕМА\] Доступные функции: контактный захват; поглощение доступной влаги и свежей растительной ткани.

[СИСТЕМА\] Совместимость: нестабильная.

[СИСТЕМА\] Потребность в ресурсах: критическая.

Я смотрел на сообщение, пока оно не исчезло.

Комплекс сделал единственное, на что у него оставался материал: перестроил уже внедрившуюся в сосуды ткань кроволиста в заплату, насос и новый орган. Судя по тому, сколько крови я потерял, второй вариант был намного короче — просто не пережить ночь.

От понимания легче не стало.

Я выбрался из щели.

На площадке вокруг капсулы лежали мёртвые нити. Некоторые ещё сохраняли влагу. Рассечённый стебель кроволиста потемнел, но внутри оставалась свежая красная ткань.

Горло пересохло. Во фляге было меньше трети литра. Я мог выпить её сейчас и остаться без воды утром.

Или проверить, что именно со мной сделали.

Я сел рядом со стеблем, положил нож на колено и выпустил волокно из правой ладони. Коснулся среза. Чувство было яснее, чем ночью: холодная влажная плоть, слабое внутреннее давление, сеть полых каналов.

Я напряг ладонь.

Корневое волокно вошло глубже.

Влага начала переходить в руку.

Медленно. Не чистая вода. Вместе с ней шли сахара, соли и горькие соединения, от которых язык свело металлическим вкусом, хотя рот не касался растения.

Я прекратил через несколько секунд.

Стебель возле контакта сморщился. Жажда уменьшилась, но не исчезла. Желудок свело. Голод усилился.

Организм хотел не только влагу. Он распознал растительную ткань как доступный материал. В ладонях возникло тянущее ощущение, побуждающее снова открыть канал.

Я втянул волокно.

— Нет.

Слово прозвучало хрипло.

Тянущее чувство в ладонях отступило неохотно, почти так же, как спазм пустого желудка, когда отворачиваешься от еды. Теперь тело умело добираться до пищи способом, от одной мысли о котором меня мучило, и это ощущалось слишком естественно для такой мерзости.

Я осмотрел остатки растения внимательнее. В основании стебля обнаружились плотные мешки, наполненные прозрачной жидкостью. Один я проколол ножом и собрал содержимое в углубление металлической пластины. Интерфейс определил высокую концентрацию неизвестных сахаров и несколько потенциально токсичных соединений.

Пить напрямую нельзя.

Через новый канал организм отбирал часть влаги, но не очищал её полностью. После короткого поглощения во рту появилась горечь, а под рёбрами — лёгкая тошнота.

Польза оказалась вполне реальной, но с неприятной границей: свежая ткань могла отдать мне несколько глотков влаги, а вместе с ними — столько же неизвестной химии. Стоило потерять меру, и жажду я рисковал заменить отравлением.

Солнце — или местный свет, пробивавшийся сквозь облака, — быстро уходило. Оставаться возле капсулы было опасно. Выстрелы, кровь, мёртвый хищник и разрезанный кроволист уже привлекли крупное существо. Следующим могло прийти то, что пролезет между корнями.

Я собрал то немного, что ещё мог унести: нож, мультитул, флягу, магазин с патронами, пока бесполезными без оружия, и остаток термоплёнки. Повреждённый контейнер разобрал на ремень, две металлические пластины и уцелевшую застёжку, а сам корпус бросил.

Перед уходом я подошёл к месту, где находил человеческую кровь.

Дождь почти смыл след. Но на чёрной коре сохранилась царапина от металлической подошвы и тонкая полоса синтетической ткани.

Кто-то двигался на северо-восток.

Я выпустил короткое волокно из правой ладони и коснулся влажной коры. В ответ пришли только вода, температура и шероховатость поверхности. След человека от этого яснее не стал, и, пожалуй, одной неожиданностью за ночь мне уже хватало.

Я сделал первый шаг.

Левая нога держала хуже, чем до ночи. После интеграции тело потратило остатки ресурсов. В мышцах стояла пустая дрожь. На подъёме пришлось цепляться новым волокном за кору и разгружать колено.

Обычное использование не болело.

Это пугало сильнее, чем боль.

К вечеру я ушёл от капсулы меньше чем на километр. В нормальном состоянии такое расстояние не считалось бы движением. Сейчас каждый десяток шагов был решением не ложиться.

Я нашёл сухую полость под нависающим корнем. Вход был узким, внутри пахло пылью и старой смолой. Следов крупных существ не было. Я натянул остаток термоплёнки, закрыл проход ветвями и сел, прислонившись к коре.

Из фляги выпил один маленький глоток.

Потом достал кусок красной ткани кроволиста, который всё-таки взял с собой.

Я долго смотрел на него. В этой красной мякоти оставались влага и сахара, вместе с ними — неизвестные токсины, но другой доступной пищи поблизости всё равно не было.

Я выпустил волокно из ладони и коснулся среза.

Голод отозвался мгновенно.

На этот раз я сознательно позволил каналу втянуть немного жидкости. Остановился, когда горечь во рту стала сильнее.

Кусок ткани сморщился.

Под кожей предплечья проступили тёмные жилы.

Я убрал остаток в металлическую пластину и завернул термоплёнкой.

Снаружи лес оживал с наступлением темноты. Где-то высоко раздавались короткие щелчки. Между корнями проходила тяжёлая вибрация. Вдалеке несколько раз вспыхнул зелёный свет.

Я положил нож на колени и посмотрел на ладони.

Утром они были человеческими, только разодранными и обожжёнными.

Теперь в каждой скрывался новый орган.

Я всё ещё был Артёмом Савиным. Помнил корабль, людей, Руденко у ручного привода и голос Орловой в помехах. У меня оставалась цель — найти выживших и добраться до «Альтаира».

Но тело уже приняло первое решение, которого человек принимать не должен был.

Чтобы не умереть, оно научилось есть живое.

И голод не собирался ждать, пока я с этим смирюсь.

Глава 3 — Кровь

Жажда разбудила меня раньше леса.

Я открыл глаза и несколько секунд не понимал, почему не могу сглотнуть. Язык прилип к нёбу, губы растрескались, а горло превратилось в сухую трубку, по которой каждый вдох проходил с царапающим свистом. Тело требовало воды так настойчиво, будто все остальные повреждения временно перестали существовать.

Потом я пошевелился, и они напомнили о себе разом.

Правое плечо не хотело подниматься. Рёбра отозвались тупой болью. Левая нога затекла в неудобном положении и при попытке выпрямить колено вздрогнула мелкой судорогой. Ладони горели под свежими рубцами, но это была обычная боль повреждённой кожи, не вчерашнее ощущение раздвигаемого изнутри мяса.

Снаружи ещё держался сумрак. Через ветви пробивался серо-фиолетовый свет, слишком холодный для утра. Ночью дождя не было, зато воздух стал плотнее и теплее. Под корнем пахло старой смолой, влажной землёй и кусочком кроволиста, завёрнутым в металл у моих ног.

Запах свежей ткани отозвался голодом в ладонях.

Я сжал пальцы.

Тёмно-красные рубцы остались закрытыми. Я разжал пальцы, снова сжал — и только тогда почувствовал, как под кожей готовятся к движению новые каналы. Голод отзывался там же, в ладонях, но по сути ничем не отличался от пустоты в желудке: неприятный, настойчивый и целиком телесный.

Во фляге плеснулось совсем немного.

Я позволил себе один глоток. Вода была тёплой, пахла пластиком и казалась лучшим, что я пробовал за всю жизнь. Хотелось запрокинуть голову и выпить остальное, но после этого у меня осталось бы несколько часов до обезвоживания и ни одного решения.

Я закрутил крышку.

— Поздравляю, — сказал я хрипло. — Сила воли пока функционирует.

Лес не оценил.

Где-то далеко ответил низкий удар. Через несколько секунд другой пришёл с противоположной стороны. Звук напоминал стук по пустой металлической ёмкости, хотя никакого металла вокруг быть не должно. Между ударами по кронам прокатывался шелест, и в нём постепенно просыпались короткие щелчки мелких существ.

Я выбрался из укрытия.

За ночь мышцы успели остыть и задубеть. Первые шаги дались хуже вчерашних. Приходилось ставить левую ногу почти прямой, не сгибая колена, а правой рукой придерживать повреждённое плечо при каждом спуске.

Я проверил корневые каналы.

Выпустил волокно из правой ладони на длину пальца, коснулся влажной коры. Пришло слабое ощущение холода и шероховатости. Я удлинил его примерно до двадцати сантиметров и попытался обвить тонкий выступ. Конец слушался с задержкой, словно я управлял пальцем через толстую перчатку. После трёх попыток волокно легло правильно и сжалось.

Я потянул.

Оно выдержало часть веса, но не больше. Стоило нагрузить сильнее, как рубец в ладони неприятно натянулся. Я сразу отпустил. Новый орган был полезным, но превращать тонкую биологическую нить в страховочный трос значило снова разорвать ещё не зажившие ткани.

Левый канал работал хуже: волокно выходило короче, дрожало и плохо держало направление из-за ожога на предплечье. В лучшем случае я получил две дополнительные короткие

опоры, способные чувствовать влагу и цепляться за неровности. Иногда этого хватило бы, чтобы не упасть, но нож, ремень и здравый смысл от этого лишними не становились.

Я достал кусок кроволиста.

Ткань за ночь потемнела по краям, но внутри оставалась влажной. Прямой контакт с правым каналом вызвал мгновенный отклик: холод, сок, доступный материал. Я позволил волокну войти на несколько миллиметров и втянул совсем немного.

Во рту появилась знакомая горечь. Желудок свело, по коже прошёл жар.

Я прекратил.

[СИСТЕМА] Неизвестные соединения в кровотоке.

[СИСТЕМА] Токсическая нагрузка: умеренная.

Очень хорошо. Растительная пища пыталась отравить меня медленнее, чем отсутствие пищи.

Я завернул остаток обратно и двинулся на северо-восток.

Человеческий след находился не в земле. Дождь уничтожил отпечатки, кровь почти смыло, а мох восстанавливался после повреждения быстрее, чем привычная трава. Приходилось искать другое: надломленные стебли на высоте человеческого колена, царапины синтетических подошв на гладкой коре, волокна ткани, которые не могли вырасти в лесу.

Через двести метров я нашёл тонкую серебристую нить на колючем кусте.

Материал был от термопокрытия медицинского комбинезона. Я помнил его по «Альтариу»: лёгкая ткань, отражающая тепло, с вплетёнными проводниками мониторинга. Нить блестяла чисто, без плесени. Значит, человек прошёл здесь недавно — вероятно, после падения.

Я снял её и убрал в карман.

След уходил вниз.

Лес менялся постепенно. Громадные чёрные корни становились ниже, стволы стояли дальше друг от друга. Между ними появлялись широкие поля серого мха, покрытые мелкими красными чашечками. Воздух тяжелел. К запаху влажной древесины примешивалась гниль и металлическая сырость.

Где-то впереди была вода. Корни тут ни при чём: я слышал редкие всплески, видел испарину на нижней стороне листьев и замечал, как почва под сапогами становится мягче.

Человеческий след тоже шёл туда.

На одном из стволов осталась ладонь, отпечатанная засохшей кровью. Пальцы скользнули вниз, оставив пять тёмных полос. Я приложил свою руку рядом. Размер совпадал со взрослым человеком. След обрывался у края серого мха.

Я огляделся.

Ни тела. Ни снаряжения. Ни новых отпечатков.

Возможно, раненый свернул. Возможно, его унесли. Возможно, то, что оставило ладонь, уже перестало быть человеком.

Я выключил эту мысль и занялся тем, что мог проверить.

Низина впереди выглядела как обычная поляна. Серый мох лежал ровно, без блеска открытой воды. По нему росли тонкие чёрные стебли с голубыми мешочками на концах. В нескольких местах торчали широкие корни, достаточно крепкие для опоры.

Запах выдавал болото, но поверхность казалась плотной.

Я вырезал длинную ветвь и стал проверять путь. Конец уходил в мох на несколько сантиметров, затем упирался в сопротивление. Я перенёс на ветвь часть веса. Поверхность пружинила, но держала.

Первый шаг.

Мох прогнулся и вернулся на место.

Второй.

То же самое.

Я не спешил. Каждый участок проверял дважды: сначала вертикальным нажимом, потом боковым, чтобы обнаружить пустоту под коркой. Ветка не проваливалась.

Человеческий след продолжался. На голубом мешочке висел клочок серой ткани. Чуть дальше один из чёрных стеблей был срублен ровным движением лезвия.

Кто-то прошёл здесь.

Я поставил левую ногу на проверенное место.

Поверхность выдержала.

Перенёс вес.

Мох разошёлся без звука.

Я ушёл вниз до пояса, не успев даже выругаться. Холодная жижа сомкнулась вокруг тела. Левая нога проскользнула глубже и застряла между чем-то твёрдым. Ветка выпала из руки. Я попытался опереться правой ногой, но под ней не было дна.

Сверху мох начал закрываться.

Я вцепился в край обеими руками. Серый слой оказался не почвой, а живой плавучей плёнкой толщиной с ладонь: переплетение корней, листьев и полых камер. Она выдерживала распределённое давление ветки, но прорвалась под моим весом.

Мои тесты были правильными.

Вывод — нет.

Я подтянулся. Повреждённое плечо прострелило. Край плёнки оторвался целым пластом, и я снова опустился в чёрную воду.

Она доходила до груди.

Запах металла усилился. Не просто болотная гниль. Кровь.

Я почувствовал первое прикосновение к сапогу.

Что-то плоское скользнуло вверх по голени, обогнуло край разорванной ткани и исчезло под штаниной. Я ударил ладонью по ноге. Под пальцами дёрнулось мягкое тело.

Вытащил его наружу.

Существо было длиной с палец, широкое и плоское, с тёмной полупрозрачной кожей. Внутри виднелась сеть красных каналов. Передний край раскрывался белой складкой, похожей на круглый рот без челюстей.

Оно изогнулось и присосалось к перчатке.

Я срезал его ножом.

Тварь упала в воду, свернулась кольцом и поплыла обратно.

Вокруг меня расходились десятки маленьких кругов.

— Разумеется.

Первый укус на бедре я почувствовал как лёгкое давление. Потом кожу обожгло. Второй паразит вцепился в голень. Третий нашёл рану на боку под остатком термоплёнки.

Я провёл ножом вдоль бедра, подцепил плоское тело и оторвал. Вместе с ним вышел круглый кусок кожи. Кровь мгновенно окрасила воду.

Кругов стало больше.

Паразиты поднимались из ила лентами. Одни плыли, волнообразно изгибаясь. Другие цеплялись к нижней стороне моховой плёнки и ждали, пока добыча коснётся их спиной или руками. Они не бросались стаей. Просто заполняли пространство, где появилась кровь.

Кровососы.

Для этих плоских присосок название было достаточно точным.

Я попытался выдержать левую ногу.

Ступня не двигалась. Что-то обхватило сапог у щиколотки — корень или узкая расщелина. Чем сильнее я тянул, тем глубже погружался.

Паразит присосался к шее.

Я схватил его пальцами. Тёмное тело уже разбухло и стало вдвое толще. Оно держалось так крепко, что отрывать пришлось ножом. Из круглой раны потекла кровь, слишком жидкая и яркая.

На укусе не образовывался сгусток.

Слюна мешала свёртыванию.

[СИСТЕМА] Множественные повреждения кожи.

[СИСТЕМА] Кровопотеря: нарастает.

— Спасибо. Без тебя я бы решил, что всё прекрасно.

Я убрал нож в зубы и выпустил правое корневое волокно. До ближайшего толстого корня на поверхности было около тридцати сантиметров — слишком далеко. Я потянулся, увеличивая длину до предела. Рубец в ладони натянулся, волокно дрожало.

Конец коснулся коры.

Я заставил его обвиться вокруг выступа и потянулся.

Нить выдержала несколько секунд.

Потом участок коры отслоился. Волокно сорвалось, хлестнуло по воде и ударилось о край моховой плёнки. В ладони вспыхнула боль: несколько свежих тканей внутри канала надорвались.

Я втянул его. Из рубца выступила кровь.

Паразит, сидевший под плёнкой, мгновенно вцепился в ладонь.

Я зажал крик и раздавил тварь рукоятью ножа.

Первая попытка закончилась новым ранением.

Я достал ремень, снятый с контейнера. На конце была металлическая застёжка. Я привязал к нему одну из пластин и бросил к корню, как импровизированный крюк.

Пластина перелетела нужное место и легла на мох.

Я подтянул ремень. Она зацепилась за чёрный стебель.

Ненадёжно, но лучше ничего.

Я обмотал ремень вокруг правого запястья и потянулся. Стебель согнулся, мох под ним поднялся. На мгновение тело вышло из воды выше пояса.

Левая нога осталась внизу.

Боль прошла от щиколотки до колена. Что-то держало сапог так крепко, словно его зажали в тисках.

Стебель лопнул.

Пластина исчезла под мхом. Ремень дёрнулся из руки и ушёл в чёрную воду. Я успел схватить свободный конец, но паразиты облепили предплечье. Пришлось отпустить, чтобы не потерять нож.

Вторая попытка стоила мне половины ремня и металлической пластины.

Дыхание участилось. Лес над головой начал покачиваться, хотя ветра не было. Пальцы становились холодными.

Кровь уходила из круглых ран на шее, руках, бедре, голени и боку. Паразиты не просто пили её. Их слюна превращала каждый укус в открытый кран.

Я прижал ладонь к ране на шее. Через несколько секунд она стала мокрой.

Наниты пытались компенсировать, но без воды и питательных веществ им нечем было строить новую кровь.

Вторая металлическая пластина оставалась у меня за поясом. Я вынул её и начал расширять отверстие в моховой плёнке перед собой. Если выбраться вверх нельзя, можно добраться до того, что держит ногу.

Пластина резала переплетённые корни хуже ножа, но позволяла отталкивать паразитов. Я прорубил узкий канал, наклонился и погрузил руку в воду.

Дна не было до плеча.

Пальцы нашли сапог. Вокруг щиколотки обвился толстый гибкий корень. Он не сжимался намеренно; нога просто проскользнула в петлю и заклинила её собственным весом.

Я попытался подрезать корень ножом.

Для этого пришлось нырнуть.

Вода была чёрной даже у поверхности. Под ней исчез свет, звуки стали глухими, а запах сменился вкусом железа и гнили. Я провёл рукой по голени, нашёл петлю и ударил ножом.

Лезвие отскочило.

Корень имел жёсткую внешнюю оболочку.

В грудь упёрлась нехватка воздуха. Я ударил снова, скользнул и порезал сапог.

Что-то присосалось к щеке.

Я вынырнул, кашляя и плюясь болотной водой. Паразит висел у уголка рта. Я сорвал его вместе с кожей.

Третья попытка ничего не изменила.

Я больше не мог делать вид, что выберусь силой.

Вокруг плавали раздувшиеся существа. Некоторые стали толщиной с большой палец, их полупрозрачные тела темнели от моей крови. Насытившись, они отваливались и опускались в воду. На их место приходили другие.

Я поймал одного.

Он извивался в ладони, белая ротовая складка открывалась и закрывалась. Я прижал тварь к металлической пластине и проткнул ножом за передним краем. Тело дёрнулось, но осталось свежим.

Корневой рубец отозвался тянущим голодом.

До этого я касался только растения.

Сейчас в руке лежала животная плоть, наполненная моей кровью.

Я знал, что канал способен втягивать влагу и вещества из свежей ткани. Не знал, какие именно. Не знал, что сделают наниты с чужими белками. Не знал, останусь ли после этого человеком хотя бы настолько, чтобы продолжать задавать вопрос.

Зато знал другое: ещё несколько минут, и выбирать будет некому.

Я выпустил правое волокно.

Конец коснулся пробитого тела. Пришло ощущение тёплой жидкости под тонкой оболочкой. Я заставил волокно войти глубже.

Паразит начал сдвигаться.

В ладонь хлынуло тепло, а вместе с ним пришло странное телесное ощущение состава: солоноватая жидкость, вода, плотный органический материал и металлический привкус железа. Часть этого была моей собственной кровью, украденной минуту назад, остальное принадлежало существу.

Горло свело от отвращения.

Я не остановился.

Тело паразита сморщилось до тонкой кожи. Жажда чуть ослабла. Перед глазами перестали множиться тёмные пятна.

И сразу возник голод. Он прошёл от ладони по предплечью к груди, требуя продолжения, но стоило мне втянуть волокно, как напор ослаб. Значит, остановиться я всё ещё мог.

Я поймал второго паразита.

Прижал к пластине. Проколол. Поглотил.

Потом третьего.

Четвёртого.

Я работал как на бойне, стараясь не думать, что сижу по грудь в собственной разбавленной крови. Нож — в тело. Корневое волокно — в свежий разрез. Несколько секунд контакта. Сморщенную оболочку — в сторону.

Каждая тварь возвращала мне крошечную часть воды и сил. Недостаточно, чтобы восстановиться. Достаточно, чтобы не отключиться.

Паразиты продолжали кусать, но теперь я использовал самых раздувшихся. Их было легче ловить. Они двигались медленнее и содержали больше жидкости.

Через некоторое время под правой ладонью начало жечь.

Не от повреждённого канала. Глубже.

По предплечью прокатилась горячая волна. Сердце сбилось, ударило два раза подряд, замерло и снова заработало.

\\СИСТЕМА\\ Известные биологические шаблоны.

\\СИСТЕМА\\ Аварийная компенсация кровопотери.

\\СИСТЕМА\\ Сосудистая перестройка инициирована.

— Нет.

Я втянул корневое волокно.

Но поглощённый материал уже находился внутри. Наниты не ждали разрешения на каждую химическую реакцию. Они получили набор белков, сигнальных молекул и механизмов, позволявших паразитам удерживать чужую кровь внутри собственного тела, не истекая после насыщения.

Комплекс подхватил эту биохимию как аварийный шаблон.

Через несколько секунд я почувствовал, как спасение начинает меня убивать.

Сначала раны стали чесаться.

Укус на шее стянулся плотным красным кольцом. Кровь, которая минуту назад текла непрерывно, загустела прямо на коже. То же произошло на предплечьях и бедре.

Это должно было помочь.

Вместо облегчения по сосудам пошла боль.

Не острая — давящая, распирающая. Будто кровь становилась тяжелее и проталкивалась через слишком узкие каналы. Под кожей правой руки проступили тёмные линии.

Пальцы свело.

Я заставил себя двигаться.

Нужно выбраться до того, как перестройка отнимет управление. Новая энергия давала несколько минут.

Я снова нырнул к сапогу. На этот раз не пытался перерезать толстый корень. Я рассёк сам сапог вдоль внешней стороны, от голени к подошве. Материал сопротивлялся, нож скользил. Пришлось сделать три прохода.

Паразиты облепили затылок и спину.

Я продолжал резать.

Сапог раскрылся. Я выдернул ногу, оставив внутри наружный слой и часть шнуровки. Ступня вышла босой, в мокром внутреннем носке. Корень удерживал пустую оболочку.

Я вынырнул.

Мир потемнел по краям.

Правая кисть плохо сжималась. Нож едва не выпал. Я переложил его в левую руку, но ожог и слабое управление мешали держать рукоять.

Осталась моховая плёнка.

Я прорубил в ней ещё один разрез и просунул вторую металлическую пластину под толстое переплетение корней. Повернул поперёк, создавая опору. Затем обмотал оставшийся ремень вокруг пластины и своей груди.

Потянулся.

Плёнка прогнулась.

Пластина держала.

Я поднялся до живота. Паразиты висели на коже и одежде, тяжёлые от крови. Левая нога скользнула. Я снова ушёл вниз, ударившись подбородком о край.

Пластина не сорвалась.

Я отдохнул один вдох.

Второй.

Третий дался хуже: грудь сжало, перед глазами вспыхнули искры.

Я напряг правую ладонь и выпустил волокно к ближайшему чёрному стеблю. Оно обви-лось, но пальцы почти не чувствовали сокращения. Левое волокно зацепилось за край моховой плёнки.

Они не могли вытащить меня.

Но могли удержать равновесие.

Я потянул ремень, оттолкнулся босой левой ногой от корня в воде и перевалился грудью на серую поверхность.

Она начала рваться подо мной.

Я не вставал. Распределил вес, пополз, широко расставив локти и колени. Каждый рывок сдвигал живую плёнку. Под ней хлюпала чёрная вода.

Паразиты падали с одежды и ползли следом.

Метр.

Ещё один.

Правая рука перестала слушаться окончательно. Я волочил её перед собой, цепляя кор-невым волокном за стебли.левой резал тех паразитов, которые добирались до шеи.

За спиной раздался плеск.

Моховая плёнка в месте ловушки провалилась. Металлическая пластина ушла вниз вме-сте с ремнём. Если бы я задержался ещё на несколько секунд, она потянула бы меня обратно.

Я добрался до настоящего корня и обнял его обеими руками.

Точнее, левой рукой и правым предплечьем.

Подтянулся на сухой выступ.

Несколько минут просто лежал.

Паразиты продолжали висеть на теле. Их нужно было снять, пока слюна снова не открыла раны. Я перевернулся на спину и начал работать ножом.

С шеи — два.

С груди — три.

С живота — четыре.

С внутренней стороны бедра я снял шесть, один за другим. Каждый оставлял круглую кровавую ямку. Но кровь больше не текла свободно. Она выступала густой каплей и почти сразу превращалась в тёмный сгусток.

Слишком быстро.

На левой ступне кожа была разрезана острым краем повреждённого сапога. Разрез закрылся плотной чёрно-красной пробкой ещё до того, как я успел его промыть.

Я снял остатки сапога, выжал внутренний слой и вернул подошву на место. Обмотал её фрагментом термоплёнки и шнуром. Получилось плохо, но босиком по этому лесу я не прошёл бы и ста метров.

После последнего паразита вокруг меня лежало больше двадцати сморщенных тел.

Несколько ещё двигались.

Голод в ладонях напомнил, что они свежие.

Я отвернулся.

Хватит.

Поглощение спасло меня. Это не означало, что нужно доедать всё вокруг только потому, что организм хотел восполнить потери.

Я попытался подняться.

Правая кисть висела тяжёлой синеватой массой. Большой палец двигался. Указательный дёрнулся. Средний и безымянный почти не реагировали. Мизинец не чувствовал ничего.

Под кожей предплечья проступила тёмная линия толщиной с карандаш. Она шла от рубца в ладони к локтю и исчезала под остатками рукава.

Я надавил на ноготь.

Он побелел и не возвращал цвет слишком долго.

Кровоток нарушен.

\[СИСТЕМА\] Свёртывание крови: резко повышено.

\[СИСТЕМА\] Локальное нарушение кровообращения.

\[СИСТЕМА\] Риск тромбоза: высокий.

— Уже не риск.

Я нащупал пульс на запястье. Слабый, неровный.

Нужно было двигать пальцами, согревать руку, не давать крови остановиться полностью. Я начал медленно сжимать и разжимать кисть. Каждый раз боль проходила до локтя. Три пальца почти не участвовали.

Я попробовал выпустить правое корневое волокно.

Рубец открылся на несколько миллиметров. Белёсый конец показался и замер. Управление не исчезло, но канал оказался зажат отёком и нарушенным кровотоком.

Левый работал, хотя слабее.

То, что спасло меня из болота, теперь запирало основную руку.

Я собрал то, что ещё осталось: нож, мультитул, магазин с патронами, кусок кроволиста и флягу. Обе металлические пластины и большая часть ремня остались в яме, а повреждённый левый сапог держался только на термоплёнке и шнуре.

Человеческий след на другой стороне болота был ближе, чем путь назад.

Я посмотрел туда.

Серая плёнка лежала спокойно. Ни одна отметина не показывала, где она провалится снова. Впереди на голубом мешочке висел клочок медицинской ткани. Человек, за которым я шёл, либо пересёк это место, либо стал причиной того металлического запаха под мхом.

Я не мог проверить.

С правой кистью, которая синела на глазах, и повреждённой обувью второй переход означал смерть.

Я отступил от болота.

Каждый шаг отдавался в левой ступне. Термоплёнка скользила. Правую руку я держал у груди и продолжал шевелить пальцами. Иногда по кисти проходило покалывание, иногда она становилась полностью чужой.

Через сотню метров меня настигла перестройка.

Жар начался под грудиной и быстро поднялся к шее. Колени подломились. Я успел добраться до полости между двумя корнями и сел, прежде чем тело свело судорогой.

Раны на коже стягивались.

Я видел, как края укуса на предплечье сходятся под плотной красной коркой. Не заживали — закупоривались. Под ними оставались слюна паразитов, болотная вода и грязь. Отличные условия для инфекции, если комплекс не справится.

Боль в сосудах усилилась.

Я прижал правую руку к животу. Под кожей будто перекачивались твёрдые зерна. Сердце разгоняло кровь, а новые механизмы пытались остановить каждую утечку одновременно, не различая открытую рану и здоровый сосуд.

Я дышал коротко, потому что глубокий вдох тревожил рёбра.

В голове всплывали лица людей на «Альтаире». Женщина за стеклом капсулы. Лера, державшаяся за ремень. Руденко у внешнего привода.

Я представил, как найду выживших с белыми нитями в ладонях и синей рукой. Как Белова посмотрит на сосуды и спросит, что я с собой сделал.

Правильный ответ был простым.

Выжил.

Но в этом слове становилось всё меньше человеческого достоинства и всё больше голой биологии.

Судорога отпустила не сразу.

Когда я снова смог двигаться, свет над лесом начал тускнеть. До темноты оставалось немного. Мне требовалось сухое укрытие, вода и материалы, которыми можно зафиксировать кисть, заменить перевязки и укрепить сапог.

Впереди было неизвестное болото.

Позади — разбитая капсула.

Она находилась меньше чем в двух километрах. Там оставались крупные обломки металла, часть корпуса контейнера, расплавленный карабин и, возможно, участки капсулы, до которых я не добрался при первой проверке. Там же могли появиться новые хищники.

Выбор не был хорошим.

Зато был выбором.

Я развернулся назад.

Обратный путь занял больше времени, чем дорога к низине. Я отмечал направление по надломленным растениям и собственным следам, пока они ещё сохранялись. Левую ногу ставил осторожно. Правой рукой почти не пользовался.

Через каждые двадцать шагов останавливался и проверял кисть.

Синий цвет поднимался к запястью.

Указательный палец перестал сгибаться.

Тёмная сосудистая линия стала толще.

Я попытался размять её большим пальцем левой руки. Боль была такой, что меня вырвало на пустой желудок. Вышла горькая слизь с металлическим запахом.

После этого пульс в кисти стал ещё слабее.

— Прекрасная медицинская практика, Савин.

Говорить с собой было глупо, но голос помогал сохранять последовательность мыслей.

Не резать сосуд вслепую.

Не вскрывать ладонь.

Не пытаться выдавить тромб.

Сохранить тепло.

Двигать теми пальцами, которые слушаются.

Вернуться к металлу.

Подготовиться к следующей попытке пройти на северо-восток.

Лес вокруг темнел. Красные чашечки на мху закрывались, а голубые мешочки начинали светиться изнутри слабым холодным светом. Вдалеке снова прошёл низкий гул крупного пластинчатого существа.

Я выключил маяк полностью.

Если неизвестные системы действительно видели сигналы, возвращение к капсуле и без того было риском. Посылать им приглашение не требовалось.

На одном из стволов я нашёл собственную царапину, оставленную металлической пластиной утром.

До места падения оставалось недалеко.

Тогда из-за корней донёсся знакомый щелчок.

Один.

Пауза.

Второй.

Я остановился.

Так двигался кислотный хищник перед атакой: низко, почти беззвучно, цепляя когтями кору. Первый был мёртв, но ничто не обещало, что он жил здесь один.

Правой рукой я не мог нормально держать нож.

Левой — мог, но ожог ограничивал движение предплечья.

Я медленно вынул лезвие и посмотрел на синюю кисть.

Капсула находилась впереди.

И кто-то уже пришёл туда раньше меня.

Глава 4 — Кислота

Щелчок повторился.

Я остановился между двумя чёрными корнями и медленно опустил нож. Не потому, что передумал защищаться. Блестящее лезвие могло выдать движение раньше, чем я пойму, где находится тварь.

Место падения было впереди, за стеной синих листьев. Сквозь них проступал серый бок капсулы. Вокруг корпуса лежали потемневшие пятна, оставшиеся после первой схватки, и обугленные остатки кровوليства. Запах кислоты сохранился даже после дождя — резкий, минеральный, заставляющий слезиться глаза.

Что-то двигалось возле карабина.

Я присел, прижав правую кисть к груди. Она стала ещё темнее, чем час назад. Кожа на пальцах натянулась от отёка, ногти посинели, а толстая сосудистая линия под предплечьем пульсировала с каждым ударом сердца. Большой палец ещё слушался. Указательный едва дрожал. Остальные могли с тем же успехом принадлежать труп.

\[СИСТЕМА\] Нарушение кровотока сохраняется.

\[СИСТЕМА\] Повреждение тканей кисти: нарастает.

Интерфейс исчез, не предложив ничего полезного.

Разрезать руку и искать тромб вслепую я не собирался. Даже если бы добрался до сосуда, моё новое свёртывание закрыло бы разрез раньше, чем я успел что-либо исправить. Или закупорило бы ещё один участок.

У меня оставалось одно рабочее предплечье, повреждённая нога, нож, мультитул и крайне мало времени до темноты.

Отличный состав штурмовой группы.

Я подался вперёд и раздвинул листья левым локтем.

Плевун стоял у мёртвого собрата.

Первое существо почти полностью растворилось. На земле остались серые пластины панциря, почерневшая растительность и несколько густых жёлтых лужиц, вокруг которых мох превратился в слизь. Новый зверь медленно обходил пятно, втягивая воздух боковыми щелями.

Он принадлежал к тому же виду, но был крупнее. Туловище длиннее человеческого роста держалось на шести конечностях. Задняя пара была толстой и пружинистой, средняя — низкой, приспособленной для быстрого разворота, а короткие передние лапы заканчивались тремя загнутыми крючьями. Панцирь на спине выглядел темнее и толще, чем у первой твари. По бокам шеи висели четыре полупрозрачных мешка с мутной жидкостью.

На голове не было глаз.

Зато вдоль нижней челюсти постоянно раскрывались и закрывались узкие щели. Существо пробовало воздух и почву на вкус. Иногда прижимало морду к следам моей крови и замирало.

Оно пришло не к труп.

Оно искало меня.

Я отступил за корень, стараясь не задеть листья. Уходить было можно. Лес за спиной оставался открытым, а тварь пока не знала моего точного положения.

Но возле капсулы лежало всё, что могло дать мне шанс пройти болото второй раз: обшивки, кресельные фиксаторы, кабели, жёсткие пластины, возможно, уцелевшие технические отсеки. Без них повреждённый сапог развалится, а правую кисть я не смогу даже защитить от веток.

Если отступлю сейчас, придётся вернуться позже.

Хищник никуда не денется. Зато рука может.

Я сделал медленный вдох и осмотрел площадку.

Капсула лежала на боку между тремя толстыми корнями. Разбитое обзорное окно смотрело вверх. Внутри торчало сорванное кресло, которое я частично освободил при выходе. Наружная панель у двигателя отогнулась, образовав узкую металлическую полку. За корпусом проходила промоина глубиной примерно по пояс, заполненная мхом и обломками.

Первую тварь я убил грубой импровизацией и удачей. Вторую в прямом бою не одолею. Даже двумя здоровыми руками это было бы сомнительно. Сейчас — невозможно.

Значит, нужен вес.

Кресло внутри капсулы крепилось к силовой раме. Один нижний замок я повредил домкратом, когда освобождал ногу. Верхний оставался целым. Если срезать фиксатор, кресло вместе с рамой могло упасть наружу. Массы хватит, чтобы прижать хищника, если он окажется под окном.

Проблема состояла в том, что я не мог быстро перерезать силовой ремень. Ножом на это уйдёт несколько минут. Кислота справится за секунды.

Я посмотрел на мешки на шее зверя.

План начал складываться.

Хищник должен войти под окно, увидеть цель внутри и плюнуть. Струя ударит в удерживающий ремень. Кресло рухнет на него.

Простой план.

Простые планы обычно убивают меньше людей, чем сложные. Но они не защищают от того, что противник не читал инструкцию.

Я отполз назад, описал широкий круг и подошёл к капсуле со стороны двигателя. Каждый шаг левой ногой отдавался в порезанной ступне. Обмотка скользила по влажному мху, разрезанный сапог расходился у носка. Приходилось ставить ногу боком.

Хищник продолжал исследовать старое кислотное пятно. Между нами оставался корпус капсулы.

Я лёг на живот и прополз под изогнутой внешней панелью. Металл был холодным и пах старой гарью. Правая кисть цеплялась за мох, не чувствуя давления. Я прижал её к груди ремешком от магазина, чтобы не оставить пальцы под собственным телом.

В техническом отсеке за двигателем сохранилась сервисная крышка. Мультитулом можно было открыть её, но работать приходилось левой рукой. В первый раз бита сорвалась с винта. Во второй — слизала край. Я перевернул инструмент, зажал винт короткими клещами и провернул.

Щелчок зверя прозвучал ближе.

Я замер.

По другой стороне корпуса прошёл скребущий звук. Когти коснулись обшивки. Хищник остановился, втянул воздух и двинулся дальше.

Он чувствовал кровь, но остатки кислоты и труп мешали определить направление.

Пока.

Я снял крышку. Внутри находились жгуты кабелей, аварийный амортизатор и тонкий рулон сервисной ленты. Большая часть электроники была разбита, но механические детали уцелели. Я вытащил ленту, короткий стальной трос и съёмную ручку технического замка — двадцатисантиметровый штырь из твёрдого сплава.

Уже лучше.

В глубине отсека нашлась мягкая трубка резервного контура охлаждения. Я пережал её клещами и проколол. На палец выступила прозрачная капля.

Интерфейс отметил токсичный антифриз.

Я вытер её о мох.

Вода находилась везде, кроме мест, где её можно пить.

Снаружи раздалось влажное втягивание.
Я выглянул из-под панели.
Хищник стоял у разбитого окна. Голова медленно качалась. Передние крючья скребли край корпуса. Он учуял кровь внутри — на кресле, ремнях и осколках стекла.
Он оказался там, где нужно.
Только ловушка ещё не была готова.
Я втянул голову и пополз к кормовой части. Капсула закрывала меня, но любое неловкое движение могло выдать вибрацию. Под правым локтем хрустнул кусок панциря первой твари.
Щелчки прекратились.
Тишина длилась один удар сердца.
Потом второй.
Я не двигался.
Над корпусом показалась плоская голова. Щели вдоль челюсти раскрылись. Хищник втянул воздух прямо надо мной.
Его мешки начали раздуваться.
Я перекатился под двигатель.
Жёлтая струя ударила в место, где секунду назад находилось моё плечо. Обшивка зашипела. Кислота потекла по металлу и прожгла мох тонкими дымящимися дорожками.
Несколько капель попали на разрезанный сапог.
Термоплёнка почернела. Я сорвал её левой рукой, пока кислота не добралась до кожи. Обмотка распалась. Носок сапога окончательно раскрылся.
Хищник перескочил через корпус.
Я увидел его задние лапы и ударил стальным штырём снизу. Остриё вошло в мягкое сочленение неглубоко. Тварь дёрнулась, ударила средней лапой и отбросила меня в промоину.
Я рухнул на спину.
Рёбра взорвались болью. Воздух исчез. Правая рука прижалась под телом, и я не почувствовал, сломались пальцы или нет.
Хищник повернулся.
Я не мог вдохнуть.
Не мог подняться.
Передние крючья вонзились в край промоины. Плоская голова опустилась ко мне. Из щелей пахло гнилью и острым минеральным запахом.
Я ткнул штырём в нижнюю челюсть.
Тварь отпрянула. Остриё скользнуло по панцирю, оставив царапину. Этого хватило, чтобы я перевернулся на бок и втянул воздух.
Первый план закончился, не начавшись.
Я отполз под капсулу через узкий просвет между корпусом и корнем. Хищник ударил крючьями вслед. Один прошёл по спине, распорол комбинезон и кожу от лопатки к пояснице.
Боль пришла горячей полосой.
Кровь выступила и почти сразу загустела, склеивая ткань.
Тварь не могла протиснуться под корпус, но начала обходить.
Я выбрался с противоположной стороны и поднялся на колено. Мир качался. Правое плечо висело ниже левого, кисть оставалась синей. Сапог держался только на внутреннем слое.
Нужно было прекратить импровизировать на бегу.
Я отступил в заросли, оставляя редкие тёмные капли. Хищник вышел из-за капсулы и пошёл по следу, не торопясь.
Он уже знал, что я ранен.

Я завёл его между двумя массивными корнями, затем резко свернул и прополз в щель, куда крупное тело не проходило. Тварь ударила панцирем о древесину, заскребла лапами, но остановилась.

Мешки на шее раздулись.

Я нырнул глубже.

Кислота ударила в корень. Наружный слой задымился, но толстая древесина выдержала. Узкий проход заполнился едким паром. Я закашлялся, закрыл лицо локтем и отполз к другому выходу.

Хищник не пошёл за мной. Он остался у щели, втягивая воздух.

Я выбрался в двадцати метрах и лёг за выступом.

Теперь я знал две вещи.

Он мог плевать почти без подготовки. Раздувание мешков занимало меньше секунды.

И он не тратил кислоту вслепую. Струя следовала только туда, где он чувствовал свежий запах или движение воздуха.

Подвести его под окно и спокойно выставить мишень не получится. Нужна приманка, которую он примет за меня, и механизм, готовый заранее.

Я снял магазин с пояса. Патроны без карабина были бесполезны как боезапас, но каждый содержал металл и порох. Один я уже потратил на кроволист. Осталось достаточно, чтобы создать запах и резкий звук.

Я вскрыл патрон мультитулом, высыпал порох в короткий отрезок сервисной трубки и вставил внутрь кусок окровавленной ткани, срезанной со спины. К концу привязал тонкий кабель. Получилась приманка, которую можно было дёрнуть из укрытия.

Кресло оставалось лучшим грузом.

Я обошёл капсулу с дальней стороны. Хищник стоял у корневой щели, где потерял мой след. До корпуса было около тридцати метров. Я двигался медленно, используя деревья как заслон.

К разбитому окну добрался незамеченным.

Внутри капсулы было темнее, чем я помнил. Сорванное кресло лежало под углом, одна направляющая вышла из крепления. Верхний удерживающий ремень натянулся, принимая почти весь вес. Ниже болтались фиксаторы, покрытые засохшей кровью.

Я залез внутрь.

Правая рука не помогала. Приходилось подтягиваться левой, упираясь локтем и коленом. Повреждённая ступня скользила по стеклу.

Удерживающий ремень проходил через металлическую скобу над окном. Если кислота перережет его, кресло уйдёт не прямо вниз, а качнётся наружу на нижней направляющей. Это даже лучше: удар придётся сбоку, прижимая цель к корню.

Я закрепил аварийный трос на нижней части рамы и вывел конец наружу. Он должен был удержать кресло до нужного момента, если ремень начнёт растворяться слишком рано.

Затем прикрепил трубку-приманку к ремню точно перед скобой. Кровавая ткань висела на виду. Кабель управления провёл через разбитое окно к укрытию за корнем.

Работать одной левой рукой оказалось мучительно медленно. Узлы расплзались. Мультитул дважды падал. Когда я попытался прижать трос правой кистью, пальцы не удержали его, а ноготь мизинца зацепился за раму и вывернулся.

Я увидел кровь, но боли почти не почувствовал.

Это напугало сильнее боли.

Я обмотал правую кисть сервисной лентой, фиксируя пальцы в полусогнутом положении, и продолжил.

Последним приготовил путь отхода. За капсулой проходила промоина. Я положил через неё узкую панель, чтобы перескочить, и очистил место у корня, где можно спрятаться от плевка.

План был готов.

Свет между кронами почти погас. Голубые мешочки растений начали светиться. В их холодном сиянии капсула выглядела мёртвым серым животным.

Я вернулся к корневой щели.

Хищник исчез.

На земле остались следы когтей и свежие капли кислоты. Я прислушался.

Ничего.

Существо не рычало, не дышало громко и почти не шуршало панцирем. Оно могло находиться в нескольких метрах.

Я взял в левую руку нож, зажал кабель приманки между пальцами и пошёл к капсуле, нарочно цепляя сапогом мох.

Щелчок пришёл справа.

Я повернулся.

Тварь лежала на корне выше человеческого роста. Её плоское тело сливалось с тёмной древесиной. Задние лапы были поджаты, мешки на шее — пусты.

Она ждала.

Хищник прыгнул сверху.

Я успел отступить, но повреждённая ступня подвернулась. Тело ударило меня в плечо. Крючья передних лап сомкнулись на левой руке, один вошёл в старый кислотный ожог.

Я закричал и ударил ножом в мягкую ткань под челюстью.

Лезвие вошло на пару сантиметров.

Тварь дёрнула головой. Крючок распорол предплечье, открывая ожог до мяса. Кровь выступила густая и тёмная.

Я выпустил левый корневой канал прямо в рану зверя.

Не для поглощения — чтобы зацепиться.

Белёсое волокно обвилось вокруг края повреждённой ткани. Я потянул ладонь к себе, одновременно выворачивая нож.

Хищник отпустил руку.

Я упал, перекатился и рванул к капсуле.

План изменился. Теперь приманкой был я.

Тварь шла следом быстро, низкими скачками. Я слышал только удары лап и щелчки. До окна оставалось десять метров.

Пять.

Мешки на шее начали наполняться.

Я нырнул за капсулу и дёрнул кабель приманки.

Трубка с порохом хлопнула. Вспышка осветила кровь на ткани и натянутый ремень.

Хищник плюнул.

Струя попала точно в приманку.

Ремень зашипел.

Я потянул аварийный трос, готовясь отпустить кресло, когда зверь окажется под окном.

Он не пошёл к ткани.

Он прыгнул через корпус прямо на меня.

Я ошибся во второй раз. Запах моей открытой руки был сильнее приманки.

Тварь приземлилась на край капсулы. Кресельный ремень продолжал растворяться, но груз ещё держался. Я отступил к промоине.

Хищник оказался между мной и окном, но не под ним.

Мешки снова раздулись.

Слишком быстро. У него оставался второй плевок.

Я поднял сорванную панель как щит.

Кислота ударила в металл. Край панели расплавился, горячая жижа потекла вниз. Несколько капель попали на левое бедро. Ткань вспыхнула болью.

Я бросил щит и прыгнул через промоину.

Повреждённый сапог соскользнул с узкой панели. Левая нога ушла вниз между обломками. Колено вывернуло. Я упал грудью на противоположный край, но не отпустил аварийный трос.

Хищник прыгнул следом.

Его задняя лапа встала на панель. Металл прогнулся.

Я увидел натянутый, наполовину растворённый кресельный ремень над его спиной.

Отпускать трос было рано. Кресло ударит по хвостовой части и оттолкнёт зверя, а не придавит.

Тварь наклонилась ко мне. Передний крюк поднялся.

Я выпустил левый корневой канал и зацепил им расплавленный край панели. Волокно почувствовало жар и едкую влагу. Я потянул панель на себя.

Она соскользнула из-под задней лапы хищника.

Тварь провалилась в промоину боком. Панцирь ударился о корень. Голова и передние лапы остались снаружи, туловище оказалось точно под разбитым окном.

Я отпустил трос.

Кресельный ремень ещё держал.

Кислота разъела только внешний слой.

Хищник начал выбираться.

Я схватил технический штырь и ударил по скобе, через которую проходил ремень. Один раз.

Скоба погнулась.

Второй удар отдался в повреждённом плече.

Третий сорвал крепление.

Кресло рухнуло.

Силовая рама качнулась из капсулы и ударила хищника поперёк спины. Раздался глухой треск. Тварь вдавило в промоину. Одна задняя лапа вывернулась под неправильным углом.

Но голова и передние крючья остались свободны.

Рама не убила её.

Тварь забилась, сдвигая кресло. Панцирь выдержал удар. Мешки на шее распухли так сильно, что стали почти прозрачными.

Она могла залить кислотой всю промоину.

Я выдернул ногу из обломков и пополз сбоку. Левое бедро горело, рука кровоточила густыми толчками. Правая кисть не помогала.

Хищник повернул голову ко мне.

Я бросил ему в морду остаток кроволиста.

Мясистая ткань ударила по щелям у пасти. Тварь рефлекторно захватила её крючьями и выпустила кислоту.

Струя пошла не в меня.

Она ударила в собственную переднюю лапу и металлическую раму. Жёлтая жидкость разъела сочленение. Крючок обмяк. Кислота потекла под панцирь.

Хищник забился сильнее.

Я прыгнул к голове и вогнал технический штырь в рану под челюстью, которую оставил ножом. Остриё вошло глубже. Тварь ударила здоровым крюком и распорола мне бок, прямо по старой ране.

Кровь хлынула на мгновение.

Потом моё новое свёртывание начало закрывать её плотной тёмной массой.

Я не отпустил штырь.

Навалился всем весом, используя раму как упор. Существо дёргалось, панцирь бил по металлу, кислота шипела внизу.

Штырь прошёл сквозь мягкую ткань и упёрся во что-то твёрдое.

Я провернул его.

Движения стали слабее.

Ещё раз.

Хищник замер.

Я продолжал давить, пока мешки на шее не опали и щелчки не прекратились.

Только тогда отпустил штырь.

Несколько секунд я стоял на коленях рядом, не понимая, почему лес качается. Потом сел спиной к капсуле.

Левая рука была рассечена от локтя почти до запястья. Старый ожог раскрылся, края кожи почернели. На бедре кислота прожгла два небольших участка через ткань. Бок снова разошёлся, но сгусток уже закупоривал рану, запирая внутри грязь и возможную инфекцию.

Правая кисть стала почти чёрно-синей.

Я растёр её левой рукой. Пульс едва ощущался.

[СИСТЕМА\] Травмы множественные.

[СИСТЕМА\] Объём доступной жидкости: критический.

[СИСТЕМА\] Сосудистая непроходимость сохраняется.

— Я в курсе.

Голос сорвался.

Нужно было действовать до того, как тело хищника растворится.

В этот раз большая часть кислоты осталась внутри мешков. Один лопнул и разъедал грудь. Два были повреждены. Четвёртый сохранял форму у основания шеи.

Я освободил голову из-под рамы и перевернул её деревянным обломком. Нож лежал у окна. Лезвие получило пятна после болота, но оставалось острым.

Резать одной левой рукой было трудно. Правой я мог только прижимать предплечьем. Я зафиксировал шею зверя между рамой и корнем, затем вскрыл мягкую ткань под мешком.

Из разреза вышел горячий пар.

Я отступил.

Жёлтая жидкость пульсировала в полупрозрачном резервуаре. К нему подходили два плотных протока и тёмный узел ткани размером с фалангу пальца. Железа сидела глубже, защищённая тонкими керамическими пластинами.

Ножом касаться резервуара было опасно. Я вырезал вокруг него широкий участок вместе с мышцами. Ткань дёргалась после смерти, протоки сокращались.

Один проток лопнул.

Капля кислоты упала на нож. Металл зашипел. Я бросил лезвие на камень и отодвинул железу штырём.

Тело хищника начало разрушаться. Кислота из повреждённых мешков проходила между слоями, превращая плоть в серую пену.

У меня оставались минуты.

Я выпустил левый корневой канал.

Белёсое волокно дрогнуло над железой. Ладонь почувствовала тепло, влажность и резкую химическую среду. При прямом контакте конец канала потемнел.

Боль пронзила рубец.

Обычное использование корня не болело. Здесь ткань начала повреждать его.

Я отдёрнул волокно.

Кончик стал серым и потерял чувствительность.

Поглощать железу напрямую означало пропустить через себя кислоту.

Можно было оставить её.

Новая способность не стоила руки, жизни и остатков человеческого тела. У меня уже были корни и неправильная кровь. Ещё одна перестройка могла закончить то, что не смогли падение, болото и хищники.

Но впереди лежало болото. Нож тупился. Огнестрела не было. Каждый следующий зверь окажется сильнее не потому, что мир соблюдает красивую прогрессию, а потому, что я становился слабее.

Кислота могла перерезать корень, открыть металлическую панель, прожечь панцирь или освободить застрявшую ногу.

Если научусь контролировать хотя бы каплю.

Я нашёл участок протока выше резервуара, где едкая жидкость ещё не смешивалась с тканью железы. Пережал его сервисной застёжкой, отрезал узел вместе с окружающей мышцей и положил на керамическую пластину из шеи зверя.

Корневой канал коснулся не мешка, а плотной ткани у основания.

Голод отозвался сразу.

Я позволил волокну войти.

Тепло пошло в ладонь.

Сначала в руку пошли жидкость и плотный органический материал. Потом пришла такая резкая горечь, что свело зубы, а в предплечье будто влили растворённый металл. Я попытался прекратить контакт, но мышцы ладони судорожно сжались от боли и перестали слушаться.

Я схватил волокно пальцами правой руки. Онемевшая кисть почти ничего не чувствовала, но большого пальца хватило, чтобы сорвать канал с железы.

Поздно.

Под кожей левой ладони побежала тёмная линия к указательному пальцу.

Боль изменилась.

Это уже не было отравлением. Тело строило.

Указательный палец выгнулся. Суставы хрустнули. Я упал на бок и прижал руку к груди, но остановить перестройку не мог.

Под ногтем возникло давление. Казалось, палец наполняют раскалённым песком. Кожа на внутренней стороне разошлась тонкой линией от ладони до первой фаланги. Из разреза выступила кровь, сразу загустевшая в чёрный сгусток.

Наниты использовали его как временную стенку.

Внутри формировался узкий канал.

Я чувствовал, как ткань разделяется на два слоя: один должен был удерживать едкую жидкость, второй — выводить её наружу. Для полноценной железы не хватало материала, воды и времени. Организм создавал примитивный карман, выстилая его тем, что успел извлечь из хищника.

Каждая новая клетка отзывалась жжением.

Судорога поднялась от пальца к плечу. Старый ожог раскрылся ещё сильнее. На коже выступил пот, хотя меня трясло от холода.

Интерфейс мигал, но я не мог читать.

Я уткнулся лбом в мокрый мох и считал вдохи.

Один.

Два.

На третьем меня вырвало. Желудок был пуст; вышла густая горькая слизь.

Четыре.

Пять.

На шестом указательный палец перестал чувствовать холод.

На седьмом боль резко отступила.

Я лежал, не двигаясь.

Лес снова наполнился звуками. С капсулы стекала вода. Где-то в кронах щёлкали мелкие существа. Остатки хищника шипели под рамой.

Левая рука дрожала.

На внутренней стороне указательного пальца появился тёмный продольный шрам. Он начинался у рубца корневого канала в ладони и заканчивался маленькой красной точкой сбоку от ногтя. Палец распух. Кожа вокруг ногтя стала серой.

\[СИСТЕМА\] Сформирована нестабильная железистая структура.

\[СИСТЕМА\] Объём секрета: минимальный.

\[СИСТЕМА\] Изоляция тканей: неполная.

\[СИСТЕМА\] Риск химического повреждения носителя: высокий.

Я рассмеялся один раз.

Получился кашель.

Тестировать новую структуру сразу было глупо. Я был обезвожен, отравлен и едва удерживал сознание.

Но не знать, работает ли она вообще, было ещё хуже.

Я нашёл плоский камень и положил руку над ним. Согнул указательный палец. Ничего. Попробовал напрячь его так, как напрягал корневой канал, но движение оказалось другим. Внутри фаланги чувствовался маленький плотный карман. Я попытался сжать его.

Боль кольнула под ногтем.

На красной точке выступила прозрачная капля.

Меньше дождевой.

Она не сорвалась. Повисла на коже, блестя в голубом свете растений.

Я наклонил палец.

Капля поползла не вниз, а вдоль шрама к ладони.

— Нет.

Я резко повернул руку.

Едкая жидкость сорвалась, коснулась основания большого пальца и упала на камень.

Кожу прожгло мгновенно.

Я вскрикнул, вытер ладонь о влажный мох и плеснул на ожог последними каплями из фляги. Вода ушла вся.

На камне осталась тёмная точка глубиной меньше миллиметра. Кислота шипела несколько секунд, затем исчезла.

Результат уместился в одной крошечной капле. До плевок или хотя бы струи было далеко, а собственная кожа пока страдала от секрета ничуть не меньше камня.

Я промыл палец влагой, собранной с внутренней стороны капсулы. Корневой канал втянул несколько капель из мокрого мха, но вместе с ними пришёл земляной вкус и слабая тошнота.

Кислотный карман под пальцем опустел. Повторная попытка не дала ничего, кроме боли и сухого спазма.

\[СИСТЕМА\] Повторное выделение недоступно.

\[СИСТЕМА\] Требуется восстановление жидкости и тканей.

— Выдающаяся функция, — прохрипел я. — Один раз прожечь себе руку и сразу перейти к обезвоживанию.

Я сел у капсулы и занялся тем, ради чего вернулся.

Из кресельной рамы вырезал две узкие металлические полосы. Одну согнул вокруг повреждённого сапога, закрепил сервисной лентой и кабелем. Получилась жёсткая подошва, тяжёлая и неудобная, но она закрывала ступню.

Вторую полосу заточил о камень и прикрепил к ручке технического замка. Вышло короткое копьё длиной с предплечье. Не оружие для честного боя. Инструмент, позволяющий держать пасть чуть дальше от лица.

Снял с кресла уцелевший ремень и сделал перевязь для правой руки. Кисть зафиксировал у груди, продолжая раз в несколько минут шевелить большим пальцем.

Мизинец не чувствовал ничего.

Под ногтями указательного и среднего пальцев цвет становился почти чёрным.

Я осмотрел капсулу ещё раз. В нижнем отсеке уцелели два герметичных пакета с аварийным теплоизолятором, катушка тонкого кабеля и полупустой баллон монтажной пены, но питьевого запаса не осталось: система жизнеобеспечения потеряла воду при падении.

В кармане кресла сохранился маленький механический компас-инклинометр. Магнитное поле планеты сводило его с ума, но датчик наклона работал. Я забрал его вместе с крепёжными клипсами.

Тело хищника почти исчезло. Под кресельной рамой оставались панцирные пластины и серый студень. Поглощать остальное я не стал.

Голод тянул обратно к остаткам туши, но я втянул корень и отвернулся. После двух перестроек за двое суток мне хотелось хотя бы ненадолго перестать проверять на себе, во что ещё организм способен переделать сосуды, печень или мышцы.

Я взял только небольшой кусок обычной мышечной ткани, не затронутой кислотой, завернул в керамическую пластину и убрал отдельно. Если выбора между голодом и риском не останется, материал пригодится.

Ночь окончательно легла на лес.

Оставаться у капсулы было нельзя. Запах крови и кислоты привлечёт новых существ. Возможно, крупного пластинчатого падальщика, которого я видел во время интеграции.

Я выключил все остаточные системы капсулы, вырезал пассивный идентификатор из панели и разбил его камнем. Маяк и раньше молчал, но теперь даже случайный импульс не уйдёт наружу.

Перед отходом я посмотрел на место падения.

Здесь закончился мой карабин. Здесь появилось первое растение внутри тела. Здесь я дважды едва не умер от одного вида хищника.

Капсула могла считаться моей единственной точкой возвращения.

Теперь она стала только грудой металла и запахом, который следовало оставить позади.

Я поднялся.

Левая нога держала хуже из-за нового вывиха, но металлическая подошва не позволяла сапогу расползаться. Правую руку поддерживала перевязь. В левой лежало короткое копьё. Нож и мультитул висели на поясе.

Указательный палец пульсировал. Под шрамом медленно собиралось тепло, но новой капли не было.

Я двинулся на северо-восток, обходя болото с южной стороны.

Через несколько сотен метров лес начал подниматься. Почва стала каменистой. Между корнями появились полосы серого минерала, по которым стекала влага. Я касался их левым корневым каналом и втягивал по несколько капель, когда поверхность была чистой.

Этого не хватало.

Но впереди, за каменным склоном, слышался постоянный шум.

Не дождь.

Вода.

Я остановился и прислушался.

Шум шёл из узкой расщелины, где чёрные корни уступали место влажному камню.

До неё оставалось меньше километра.

Я посмотрел на левый указательный палец с тёмным шрамом, на перевязанную синюю кисть и на короткое копье.

Кислота стала частью моего тела.

Слабой, опасной и почти бесполезной.

Но теперь, когда впереди была вода, я собирался прожить достаточно долго, чтобы выяснить, останется ли она такой.

Глава 5 — Вода

Шум воды оказался ближе, чем я ожидал, и дальше, чем мог вынести организм.

Он шёл из каменной расселины впереди — ровный, тяжёлый, настоящий. Не шорох дождя по листьям и не редкие капли, которые приходилось собирать корневым каналом с мокрой коры. Поток бился о камень непрерывно, обещая столько воды, сколько я не смог бы выпить даже после недели в пустыне.

До него оставалось меньше километра.

Первые сто метров я прошёл почти нормально. Потом язык снова прилип к нёбу, а левая нога начала цепляться металлической подошвой за каждый выступ. Жёсткая пластина удерживала разрезанный сапог вместе, но изменила шаг. Ступня не перекачивалась, колено принимало удар целиком, и после каждого десятого шага по бедру проходила дрожь.

Правая рука висела в перевязи у груди. Кисть потемнела до цвета переспелой сливы. Большой палец ещё двигался, указательный отзывался слабым сокращением, остальные молчали. Я время от времени растирал предплечье левой ладонью и чувствовал под кожей плотную болезненную дорожку.

Тромб не исчез.

Кислотный канал в левом указательном пальце тоже напоминал о себе. Тёмный шрам пульсировал в такт сердцу, кожа у ногтя оставалась серой. Внутренний карман казался пустым, но при каждом сгибании пальца под фалангой возникало сухое давление.

Организм хотел воды на всё сразу: поддержать кровь, дать нанитам материал для ремонта и хотя бы понемногу вернуть расход в кислотный канал. Каждое новое изменение теперь тоже требовало свою долю.

Я остановился у наклонной каменной плиты. По её нижнему краю ползла прозрачная капля. Я выпустил левый корневой канал, коснулся мокрой полосы и втянул влагу.

Капля исчезла.

Во рту появился вкус пыли и железа. Жажда не уменьшилась, зато под ногтем указательного пальца чуть потеплело. Кислотный карман забрал часть жидкости раньше, чем организм успел распределить её туда, где она была нужнее.

— Отлично, — прошептал я. — Теперь внутри меня ещё и очередь без правил.

Голос вышел сухим шорохом.

Я продолжил подъём.

Лес постепенно отступал. Гигантские корни больше не закрывали землю сплошной стеной, а вращались в серый камень отдельными жилами. Между ними поднимались плиты с гладкими гранями, слишком ровными для обычного обвала. Некоторые уходили вниз ступенями, но дождь, мох и трещины почти стёрли следы обработки.

Я провёл корневым волокном по краю одной плиты и ощутил только холодную влажную поверхность плотного камня — никаких канавок или надписей, которые можно было бы различить касанием.

Если это и было частью древнего сооружения, сейчас оно служило руслом.

Шум усиливался.

Воздух стал прохладнее. На камнях появилась испарина, а из расселины тянуло мокрым минералом, водорослями и чем-то терпким, похожим на запах раздавленной хвои.

Я увидел поток с края уступа.

Вода шла между двумя почти вертикальными стенами. Расщелина начиналась широкой чашей, затем сужалась до двух метров и уходила вниз ступенями. По дну бежала мутно-серая струя глубиной от ладони до колена. В местах, где поток замедлялся, поверхность покрывала тонкая радужная плёнка.

Вокруг воды не было привычной жизни: над руслом никто не летал, на мокром камне не оставалось мелких следов, а красные чашечки мха, встречавшиеся по всему лесу, останавливались в нескольких шагах от потока. На нижних плитах росли только бледные мясистые наросты, похожие на сложенные пальцы.

Я спустился на колено у верхней чаши.

Вода была так близко, что тело перестало слушать доводы.

Я зачерпнул бы её ладонью, если бы правая рука работала. Вместо этого поставил копьё поперёк колен, достал пустую флягу и набрал немного через горлышко. Серую жидкость встряхнул. На стенках остался зеленоватый налёт.

Я опустил в неё обрезок металлической ленты.

За минуту металл не изменился.

Капнул на кусочек ткани.

Ткань потемнела, но не распалась.

Этого было недостаточно.

Я выпустил левый корневой канал и коснулся поверхности самым кончиком.

Холод ударил в ладонь. Следом пришла горечь. Волокно дёрнулось, будто я сунул палец в слабый электрический разряд. Я втянул его и увидел на белёсой ткани серые точки.

[СИСТЕМА\] Биологическое загрязнение: высокое.

[СИСТЕМА\] Неизвестные растворённые соединения.

[СИСТЕМА\] Прямое употребление не рекомендовано.

Интерфейс не запрещал. Он вообще редко запрещал то, что могло убить медленно.

Я смочил губы одной каплей.

Сначала вода показалась безвкусной. Потом язык онемел по краям, во рту возникло ощущение мела, а желудок сжался ещё до того, как я глотнул.

Я выплюнул.

Капля на камне оставила мутное пятно.

— Вода есть, — сказал я. — Осталась мелочь: не умереть от неё.

Я осмотрел русло выше.

Поток выходил из узкой щели в стене, где вода была прозрачнее и двигалась быстрее. Радужная плёнка появлялась ниже, в спокойной чаше. Возможно, загрязнение накапливалось в застойных участках. Возможно, всё русло было одинаково ядовитым, просто верхняя часть лучше скрывала это.

Достать источник можно было только изнутри расселины.

Я наполнил флягу серой водой, но не пил. Даже опасный запас лучше пустой ёмкости. Потом закрепил её на поясе, перевёл копьё в левую руку и начал спуск.

Каменные стены быстро сомкнулись. Через двадцать метров проход стал таким узким, что я мог коснуться обеих сторон локтями. Свет сверху превратился в серую полосу. Под ногами шумела вода, холодная и быстрая.

Металлическая подошва скользила.

Я шёл боком, проверяя каждый шаг копьём. Правая рука в перевязи цеплялась за выступы, поэтому я затянул ремень короче. Кисть прижалась к груди. От давления тёмная линия в предплечье заболела сильнее.

Ниже стены расходились, образуя небольшую камеру. Вода падала туда с уступа высотой по колено и закручивалась в глубокой яме. На дне лежали белые обломки.

Я сначала принял их за камни.

Потом увидел округлый сустав и длинную трубчатую кость.

Останки принадлежали не человеку. Конечность была слишком длинной, с четырьмя тонкими пальцами, соединёнными перепонкой. Кости покрывал пористый налёт. Рядом лежал панцирный сегмент незнакомого существа и несколько пустых прозрачных оболочек.

Камера была местом кормления.

Я остановился до воды.

Шум потока мешал слышать всё остальное. Это было опаснее тишины. В прошлых схватках врагов выдавали щелчки, тяжёлые шаги или движение растений. Здесь существо могло находиться в метре, а я бы не услышал.

Я опустил копьё в яму.

Глубина оказалась больше метра. Наконечник коснулся дна, но ничего не произошло.

Я провёл им вдоль стены.

Тоже ничего.

В прозрачной верхней воде не было видно движения. Только серый песок и белые кости.

Я не доверял этому месту.

Обойти камеру было невозможно. Узкая полка тянулась вдоль правой стены, но посередине исчезала под водой. До щели, из которой выходил поток, оставалось около пятнадцати метров.

Я привязал конец тонкого кабеля к выступу за спиной, второй обмотал вокруг пояса. Страховка не выдержит сильного рывка, но не позволит течению сразу унести меня вниз. Затем выпустил левый корневой канал и коснулся ближайшей стены, выбрав глубокую трещину для дополнительного захвата.

Обычное движение не болело. Повреждённый кончик корня чувствовал хуже, но мог держать часть веса.

Я сделал шаг в воду.

Холод прошёл через сапоги и сжал мышцы.

Второй шаг.

Вода поднялась до середины голени. Поток толкал в повреждённое колено.

Третий.

Металлическая подошва скользнула по гладкому камню. Я упёрся копьём и восстановил равновесие.

Из-под полки выстрелило серое тело.

Я увидел только раскрывающийся круг и белые пластины внутри. Потом что-то сомкнулось вокруг левой голени выше сапога.

Удар сбил меня с ног.

Я упал грудью в воду. Холодная струя вошла в рот и нос. Существо дёрнуло назад, в глубокую яму.

Кабель на поясе натянулся.

Я ударился боком о край полки. Рана под рёбрами вспыхнула. Копьё вылетело из руки и застряло между камнями в двух метрах впереди.

Тварь потянула снова.

Круглая пасть не прокусила металлическую пластину сапога, поэтому захватила ногу выше неё. Белые внутренние пластинки впились в ткань и кожу, работая как кольцо мелких крючьев.

Я схватился левой рукой за выступ.

Пальцы скользили.

Корневой канал удерживал трещину, но натянулся до предела. В ладони появилось острое предупреждающее чувство.

Существо уходило назад под полку.

Я увидел его целиком только на мгновение.

Длинное плоское тело, около двух с половиной метров, серое и почти прозрачное по краям. Вместо лап — четыре широких плавника с короткими костяными крючьями, которыми оно цеплялось за камень. Хвост заканчивался раздвоенным якорем, зафиксированным в щели

под водой. По бокам туловища раскрывались ряды тонких полупрозрачных пластин. Через них проходила вода.

Тварь не просто жила в ядовитом потоке.

Она фильтровала его.

Потом пасть дёрнулась, и меня потащило глубже.

Я ударил ножом по серому телу.

Лезвие скользнуло по покрытой слизи коже и оставило неглубокую белую полосу. Я ударил снова, целясь в боковые пластины. Существо прижало их к телу. Нож отскочил от плотного основания.

Первая попытка не помогла.

Я попробовал разжать пасть.

Просунул нож между белыми пластинками у ноги и повернул как рычаг. Внутренняя кромка сомкнулась на лезвии. Металл заскрипел. Нож застрял.

Тварь рванула.

Кабель на поясе впился в живот. Узел на камне за спиной выдержал, но тонкая линия натянулась струной. Меня растянуло между страховкой и хищником. Рёбра сдавило. Вода накрыла лицо.

Я отпустил нож, чтобы не уйти под воду с ним.

Вторая попытка лишила меня основного лезвия.

Я поднял голову и втянул воздух.

Копьё лежало выше по течению. Дотянуться рукой невозможно. Правый корневой канал мог бы помочь, но кисть не слушалась. Левый удерживал меня за трещину.

Пришлось выбирать.

Я ослабил захват корня и направил волокно к копьё.

Существо сразу потянуло меня на полметра глубже. Кабель застонал. Корневой конец скользнул по мокрому камню, коснулся рукояти копьё и попытался обвить её.

Слишком гладко.

Волокно соскользнуло.

Я повторил. На этот раз зацепил петлю кабеля у основания наконечника и подтянул.

Копьё двинулось по дну.

Хищник дёрнул ногой в сторону. Моё колено ударилось о стену. Внутри что-то хрустнуло, и боль выжгла зрение белым.

Корневой канал потерял копьё.

Третья попытка закончилась новой травмой.

Я прижался спиной к полке и заставил себя дышать.

Не бороться с силой тяги. Существо было закреплено хвостом и четырьмя плавниками. Оно выигрывает прямое перетягивание.

Нужно лишить его опоры.

Я провёл ладонью по дну. Под пальцами лежали гладкие камни размером с кулак. Один имел острый край. Я поднял его и ударил по ближайшему плавнику.

Первый удар соскользнул.

Второй попал в сочленение. Тварь вздрогнула, но не отпустила ногу.

Третий расколол тонкий костяной крючок. Один плавник сорвался с камня.

Течение развернуло тело боком.

Хищник ударился о стену. Пасть на ноге сместилась, белые пластины прорезали ткань глубже. Кровь сразу окрасила воду, но моё чрезмерное свёртывание начало закупоривать порезы ещё до того, как поток успел унести её.

Запах крови изменил поведение существа.

Боковые фильтры раскрылись шире. Тварь перестала тянуть меня под полку и попыталась обвить плоским телом ногу, чтобы удержать добычу рядом с пастью.

Она кормилась не только мясом.

Она пропускала кровь и воду через боковые пластины.

Я ударил камнем по второму плавнику.

Хищник выгнулся. Свободный край тела хлестнул по лицу. Губу рассекло о зубы, голова ударилась о стену. Камень выпал.

Перед глазами появились тёмные точки.

Кабель на поясе начал рваться. Несколько металлических нитей уже лопнули.

Я снова направил корневой канал к копыю. На этот раз не пытался обвить гладкую рукоять. Ввёл волокно в отверстие между металлической полосой и технической ручкой.

Контакт закрепился.

Я втянул канал.

Копьё поползло ко мне, стуча по камням.

Тварь почувствовала движение воды и дёрнулась навстречу. Плоский бок ударил по древку. Копьё застряло под её телом.

Я тянул сильнее.

В ладони возникла боль. Повреждённый конец корня не выдерживал нагрузки.

Сухой щелчок прошёл по нервам.

Белёсое волокно надорвалось у самого кончика. Я почувствовал не касание, а резкую открытую боль, будто мне срезали кожу с пальца.

Но копьё выскочило.

Я схватил рукоять левой рукой.

Хищник раскрыл боковые пластины и снова потянулся к крови на ноге. Под прозрачными мембранами виднелись тёмные каналы, а у основания пасти — мягкая складка, куда сходились фильтрующие ткани.

Туда и нужно было бить.

Я ударил копьём.

Наконечник вошёл между пластинами, но неглубоко. Тварь сжалась. Древко вырвало из руки и прижало к стене.

Четвёртая попытка дала рану, но не победу.

Кабель за спиной лопнул.

Натяжение исчезло мгновенно. Хищник потащил меня в яму.

Вода закрыла голову.

Я ударился затылком о камень и потерял направление. Вверх и вниз различались только по пузырям. Пасть на ноге тянула к тёмной щели под полкой. Туда не проходили плечи, но существо продолжало затягивать меня, сжимая колено между камнями.

Правая рука в перевязи прижалась к груди. Я дёрнул ремень зубами и левой рукой, освобождая её. Бесполезная кисть всплыла перед лицом, чёрно-синяя, с растопыренными пальцами.

Кислотный канал был в другой руке.

Я согнул левый указательный палец.

Внутренний карман отозвался слабым давлением.

После капель воды, собранных с камня, и нескольких глотков, случайно попавших в рот, внутри накопилось немного жидкости. Возможно, хватит на одну каплю. Возможно, канал выделит её внутри пальца и прожжёт ткань.

В лёгких уже горело.

Я прижал указательный палец к мягкой складке у пасти.

Напряг карман.

Сначала ничего.

Потом под ногтем появилась раскалённая игла.

Прозрачная капля вышла прямо между пальцем и плотью существа. Она не могла стечь на ладонь — я прижал выход к цели.

Кислота зашипела.

Хищник дёрнулся всем телом.

Пасть раскрылась на несколько миллиметров. Этого не хватило, чтобы освободить ногу, но белые пластины перестали резать глубже.

Капля прожгла мягкую складку и попала на мой палец.

Кожу обожгло по краю ногтя. Я отдёрнул руку.

Тварь забилась. Один плавник отпустил стену. Течение начало разворачивать её поперёк узкой ямы.

Я вынырнул и вдохнул вместе с водой.

Кашель согнул тело. Хищник снова попытался закрепиться.

Кислотный карман опустел. Повторного шанса не будет.

Я увидел копьё. Оно торчало между телом зверя и стеной, наконечник находился как раз под повреждённой складкой.

Я выпустил левый корневой канал, несмотря на разорванный кончик. Волокно обвилось вокруг древка. Боль была такой, что пальцы свело, но обычной мышечной силы не хватало.

Я не тянул копьё к себе.

Я потянул его в сторону, используя стену как рычаг.

Древко повернулось. Наконечник вошёл глубже в рану, прожжённую кислотой.

Хищник выгнулся.

Пасть отпустила ногу.

Я выдернул ступню и оттолкнулся от стены. Повреждённое колено не выдержало, но течение вынесло меня к краю ямы. Я вцепился левой рукой в каменную полку.

Тварь осталась между стенами.

Её тело развернуло поперёк потока. Длинный хвост и два уцелевших плавника цеплялись за камни, но в узкой камере хищник не мог развернуть пасть ко мне. Копьё торчало из основания фильтров.

Я выбрался на полку до пояса и подтянул копьё корневым каналом.

Существо двинулось следом, пытаясь освободиться.

Я схватил с дна плоский камень обеими предплечьями. Правая кисть не держала, но локтем можно было прижать вес к груди. Камень оказался тяжёлым, с острым краем.

Поднять его над головой я не мог.

Я перекатил его к краю.

Хищник выгнулся под полкой. Боковые пластины раскрывались и закрывались, прокачивая воду через повреждённую ткань. Каждый раз из раны выходила тёмная жидкость.

Я поставил левую ногу на камень и толкнул.

Он упал в узкую часть ямы.

Тело существа оказалось зажато между валуном и стеной. Оно ударило хвостом, но теснота не позволяла набрать силу.

Я навалился на копьё.

Металлическая полоса прошла через прожжённую складку в центр мягкого узла.

Тварь дёрнулась.

Я давил дальше, чувствуя, как древко изгибается.

Боковые фильтры судорожно раскрылись. Прозрачные пластины задрожали, затем одна за другой сложились.

Хвост перестал бить по камню.

Я не отпускал копьё, пока вода вокруг не очистилась от мути и тело не обмякло.
Только после этого вытащил левую ногу на полку.

Сапог выглядел хуже, чем до ремонта. Металлическая подошва осталась на месте, но верхняя ткань выше щиколотки была разрезана кольцом. Кожа под ней превратилась в ряд глубоких полукруглых ран. Сгустки закрывали их слишком быстро, неровно, оставляя в мясе обломки белых пластин.

Колено распухало на глазах.

Я попытался согнуть ногу и едва не потерял сознание.

[СИСТЕМА] Повреждение связок: вероятное.

[СИСТЕМА] Инеродные фрагменты в тканях.

[СИСТЕМА] Нарушение кровообращения правой кисти: критическое.

Последняя строка была знакомой. Комплекс мог перечислять мои проблемы до утра. Воды от этого не прибавлялось.

Я лёг на мокрую полку и несколько минут просто дышал.

Расселина пахла кровью, холодным камнем и слизью хищника. Поток проходил по одежде, унося грязь и тепло. Жажда стала ещё сильнее после случайно проглоченной воды. Организм получил вкус и требовал продолжения.

Я поднял голову к источнику.

Чистая на вид струя выходила из щели в десяти метрах.

Между мной и ней больше ничего не двигалось.

Сначала нужно было разобраться с ранами.

Я вскрыл повреждённый сапог ножом, который всё ещё торчал между пластинами пасти. Лезвие погнулось, но не сломалось. Белые обломки сидели в коже как зубы. Я вытаскивал их мультитулом по одному.

Боль возвращала ясность.

Каждый фрагмент выходил вместе с тёмной густой кровью. Новое свёртывание мгновенно создавало пробку. Приходилось разрывать некоторые сгустки, чтобы достать пластину глубже, и каждый раз я боялся, что внутри образуется ещё один тромб.

Последний обломок оказался возле сухожилия.

Я не стал резать вслепую. Оставил его, промыл рану потоком и затянул сапог кабелем выше повреждения.

Затем осмотрел хищника.

Вне движения он выглядел не как змея и не как рыба. Плоское тело состояло из плотных мышечных лент, способных складываться в любом направлении. Четыре плавника были скорее якорными конечностями. На каждом — по два сломанных костяных крюка.

Пасть представляла собой круг из белых пластин, которые не кусали одним движением, а удерживали добычу и делали множество неглубоких разрезов. Кровь смешивалась с водой и проходила через боковые фильтры.

Там и находилось нужное мне.

Я придумал существу рабочее название.

Водорез.

Не самое изящное, зато точное.

Я прижал тело валуном и вскрыл боковую пластину. Под прозрачной мембраной лежали десятки тонких складок, соединённых с тёмным узлом у основания пасти. Вода проходила через них, оставляя на внутренней стороне серый минеральный налёт. Отдельные каналы собирали более прозрачную жидкость и уводили её в ткани.

Фильтр не делал поток чистым.

Он позволял существу переживать то, что было в воде.

Этого могло хватить мне.

Могло и не хватить.

После паразитов я получил тромб. После кислотной железы — канал, который первым делом обжёг хозяина. Все основания ожидать третьего удачного решения отсутствовали.

Я посмотрел на пустую флягу.

Потом на струю.

Ждать безопасной воды означало умереть рядом с опасной.

Я вырезал один фильтрующий узел вместе с окружающей мышцей. Ткань была прохладной, почти прозрачной, с серебристой сеткой внутри. Она сокращалась после смерти, пропуская через себя воду из разрезанных каналов.

Левый корневой канал вышел из ладони.

Кончик был надорван и кровоточил. Обычное движение не причиняло боли, но контакт с мокрой тканью водореза вызвал жжение. Я ввёл волокно в свежий разрез.

Поглощение началось медленно.

В ладонь пошла прохладная жидкость, менее горькая, чем вода потока. Затем белок, соли и неизвестные соединения. Голод потребовал больше.

Я удерживал контакт только несколько секунд.

Этого оказалось достаточно.

Под левыми рёбрами возник спазм.

Сначала я решил, что желудок реагирует на проглоченную воду. Потом боль опустилась ниже, прошла через живот и сомкнулась вокруг позвоночника.

Я втянул корневой канал.

Спазм не прекратился.

Внутри что-то перестраивалось.

Я упал на колени, упёрся лбом в камень. Живот стал твёрдым. Мышцы сжимались волнами, пытаясь вытолкнуть содержимое из пустого желудка.

[СИСТЕМА] Получен биологический шаблон.

[СИСТЕМА] Аварийная обработка жидкости.

[СИСТЕМА] Совместимость: низкая.

Меня вырвало.

Сначала вышла вода, которую я вдохнул во время боя. Серая, со слизью и тонкими красными нитями. Потом жёлчь. Затем только болезненные сокращения.

Перестройка продолжалась. Под кожей живота проступили тёмные линии, потянувшиеся от растительных жил под рёбрами к желудку и верхней части кишечника. Внутри не появлялся отдельный узел: существующие ткани обрастали дополнительными складками и каналами, грубо повторяя принцип фильтров водореза.

Каждая новая складка ощущалась как медленно затягиваемая проволока.

Я вцепился зубами в рукав, чтобы не кричать.

Правая кисть лежала на камне рядом. Её цвет почти не менялся. На фоне боли в животе она казалась чужой вещью, которую я зачем-то носил с собой.

Жар сменился холодом.

Кожа покрылась потом. В расселине и без того было прохладно, но меня трясло так, что зубы стучали.

Я попробовал отползти от воды. Мышцы живота сжались, и меня снова вырвало. На камень упала густая мутная слизь с серыми хлопьями.

Наниты и новая ткань отбрасывали часть поглощённого материала.

Не всё.

Что-то осталось.

Боль постепенно стала тупее. Вместо ножа внутри появился тяжёлый горячий узел ниже грудины.

Я лежал, пока свет над расселиной не начал темнеть.

Когда смог сесть, первым делом проверил живот. Под кожей от левого подреберья к пупку проступали тонкие тёмно-зелёные линии. Они исчезали, если я напрягал мышцы, и возвращались при расслаблении. Давление вызывало тошноту.

Интерфейс появился только после того, как показатели стабилизировались.

\[СИСТЕМА\] Сформирован нестабильный контур переработки жидкости.

\[СИСТЕМА\] Частичное связывание некоторых растворённых соединений.

\[СИСТЕМА\] Пропускная способность: низкая.

\[СИСТЕМА\] Накопление токсинов: вероятно.

Слово «фильтрация» система не использовала.

Правильно.

То, что образовалось внутри, не превращало яд в питьевую воду. Оно могло задержать часть загрязнений, перенаправить их в ткани или заставить тело вывести обратно.

Я должен был проверить предел.

Не потому, что был любопытен. Потому что без проверки мог выпить слишком много и умереть.

Я поднялся к струе у источника. Каждый шаг давался через боль в колене и спазм живота. Вода там выглядела прозрачнее. На стене не было радужной плёнки, но корневой канал всё равно чувствовал горечь и живую взвесь.

Я зачерпнул воду сложенной керамической пластиной от кислотного хищника, которую сохранил как контейнер.

Первый глоток был маленьким.

Вода оказалась ледяной. Она коснулась языка, прошла по горлу и ударила в желудок холодом.

Я ждал.

Под рёбрами новый контур сжался. Появилась горечь, но вода не вернулась сразу.

Второй глоток.

Спазм стал сильнее. По коже выступил пот.

Третий.

Тело удержало его несколько секунд, затем желудок поднялся к горлу. Я отвернулся от источника и вырвал часть воды на камень. Не всю.

Несколько глотков остались.

Жажда отступила на один шаг.

Не исчезла. Но язык перестал быть сухим деревом, а сердце стало биться ровнее.

Я захотел выпить ещё.

Контур под рёбрами сжался болезненно, предупреждая раньше интерфейса. Во рту появился металлический вкус. На коже живота тёмные линии налились цветом.

Я остановился.

Четвёртый глоток мог остаться. Пятый — тоже. А потом токсины накопятся быстрее, чем организм сможет их связать.

Предел проявился быстро: несколько глотков организм ещё терпел, дальше вместе с водой накапливалась новая проблема. Я наполнил флягу прозрачной водой у источника. Она оставалась опасной, но теперь у меня хотя бы был запас, который можно принимать по глотку. На горлышке закрепил полоску ткани как грубый механический фильтр от крупной взвеси. От растворённых соединений он не защищал.

Затем вырезал второй фильтрующий узел водореза и завернул его отдельно. Поглощать сейчас не стал. Тело уже переживало перестройку, а избыток той же ткани мог не улучшить контур, а утолщить его до закупорки.

Обычную мышцу тоже взял — небольшой кусок, без серого налёта. Голод стал глубже после формирования нового органа. Организм расходовал собственные запасы.

Я попробовал поглотить немного обычной мышцы через левый корневой канал. Тело приняло влажную органику без новой перестройки; живот светло, но материал остался внутри. Значит, изменение запустил именно специализированный фильтрующий узел, а обычная плоть здесь сработала как питание.

Это различие стоило помнить.

Я провёл в расселине ещё несколько часов.

Сначала восстановил копьё. Металлический наконечник погнулся, крепление разболталось. Я выпрямил полосу между камнями и затянул кабелем. Оружие стало короче и хуже сбалансировано.

Нож очистил от слизи, но на лезвии осталась глубокая вмятина.

Левый корневой канал втянулся не полностью. Повреждённый кончик распух внутри рубца, из-за чего ладонь закрылась неровно. Обычное движение по-прежнему работало, но максимальная длина уменьшилась.

Кислотный канал не восстановился. Под ногтем оставался сухой жар. Новую каплю получить не удалось.

Правую кисть я размотал.

Зрелище было плохим.

Мизинец и безымянный стали почти чёрными у ногтей. Кожа на тыльной стороне блестела от отёка. Большой палец двигался, но медленно. Я растёр руку, поднял её выше сердца и снова зафиксировал.

Резать сосуд не стал.

Пока ткань оставалась тёплой у запястья, шанс сохранить кисть существовал.

В какой-то момент сверху донёсся скрежет.

Я погасил подсветку интерфейса и замер.

Звук пришёл из широкого входа в расселину, откуда я спустился. Что-то тяжёлое двигалось по камням. Не мягкие шаги кислотного хищника. Каждый контакт сопровождался сухим скоблением, будто по плите тащили броневой лист.

Существо остановилось у верхней чаши.

Воздух принёс запах мокрой земли и падали.

Оно учуяло мёртвого водореза.

Я не видел гостя из глубины расщелины. Только тень, которая на мгновение закрыла серый свет. Потом раздался низкий хруст.

Камень под чужим весом.

Мне требовалось уходить.

Наверх — к существу — нельзя. Ниже поток уходил между стенами, в незнакомое каменное русло. Глубина уменьшалась, но проход оставался узким и скользким.

Я собрал всё, что ещё имело смысл нести: флягу с водой, два пакета теплоизолятора, монтажную пену, кабель, инклинометр, оставшиеся патроны, нож, мультитул, короткое копьё, кусок мышцы и запасной фильтрующий узел водореза.

Тело хищника пришлось оставить.

Я сделал один маленький глоток из фляги.

Контур под рёбрами сжался, вода осталась внутри.

Этого хватило, чтобы подняться.

Я двинулся вниз по руслу.

Камни были гладкими, течение толкало в металлическую подошву. Левая нога почти не сгибалась. Приходилось переставлять её руками за ремень сапога на высоких уступах. Правой

кистью я не мог опереться, поэтому каждый спуск превращался в медленное падение на левый локоть и копьё.

За спиной скрежет повторился.

Тяжёлое существо вошло в расселину.

Оно не спешило. Возможно, останки водореза задержат его. Возможно, запах моей крови окажется интереснее.

Я прошёл первый поворот.

Шум воды изменился. Впереди поток выходил из тесной щели в широкое каменное русло под открытым небом. По краям лежали серые валуны и длинные полосы белого налёта.

Я выбрался наружу и впервые за несколько часов увидел небо между ветвями.

Свет был тёмно-фиолетовым. Ночь подходила.

Русло уходило на северо-восток.

Это совпадало с моим направлением и давало возможность не возвращаться к болоту.

Я опустился на камень, прижав ладонь к животу. Новый контур пульсировал. Вода во фляге плескалась — целая, доступная и всё ещё способная меня отравить.

За поворотом расселины показалась широкая тень.

Сначала — округлый край панциря.

Потом когтистая передняя лапа, тяжёлая и покрытая наложенными друг на друга пластинами.

Существо протиснулось между стенами, соскребая с камня белую крошку. Оно было ниже того гиганта, которого я видел у кроволиста, но шире и плотнее кислотных хищников. На морде двигались короткие мясистые отростки, ловя запах.

Один повернулся в мою сторону.

Я поднял копьё.

Панцирная тварь опустила голову и пошла по следу крови, который вода смывала с моей повреждённой ноги.

У меня появилась вода.

И почти сразу нашёлся тот, кто собирался получить её вместе со мной.

Глава 6 — Панцирь

Тень за поворотом не торопилась.

Она выдвигалась из расселины по частям: сначала широкая передняя лапа, затем плоская голова, потом слоёный панцирь, скребущий обе стены одновременно. Белая каменная крошка сыпалась под тяжёлым брюхом и сразу смывалась потоком.

Я стоял посреди открытого русла и держал копьё левой рукой.

Между нами было около тридцати метров. Для здорового человека — достаточно, чтобы отступить, оценить местность и выбрать позицию. Для меня расстояние измерялось иначе: семь-восемь болезненных шагов до следующего спазма в животе, три шага до того, как левая нога начинала подламываться, и неизвестно сколько до полной потери правой кисти.

Существо выбралось наружу.

Оно было ниже кислотного хищника, но почти вдвое шире. Четыре короткие ноги расходились в стороны, удерживая корпус над камнем. Передняя пара заканчивалась не когтями, а тяжёлыми лопатами с зубчатыми краями. Задние лапы были толще и опирались на раздвоенные копыта.

Спину покрывали перекрывающиеся пластины цвета мокрого сланца. Каждая начиналась гладкой у позвоночника и заканчивалась шершавым краем, похожим на крупную тёрку. На шее пластины стояли почти вертикально, защищая голову и позволяя втянуть её внутрь.

Глаз я не увидел.

Вокруг широкой пасти шевелились восемь коротких мясистых отростков. Они касались камня, воды и воздуха, оставляя влажные следы. Существо опустило морду к красной полосе, которую поток смывал с моей левой ноги.

Отростки развернулись ко мне.

Тварь издала низкий скрежещущий звук. Не рык. Она провела внутренними пластинами пасти друг о друга, словно точила два каменных ножа.

Я отступил.

Нога отозвалась болью, но выдержала.

Существо сделало шаг.

Камень под ним хрустнул.

Оно не выглядело быстрым. Это ничего не означало. Броня, способная таскать такой вес, требовала сильных мышц. Короткие ноги могли оказаться медленными только до первого рывка.

Я сделал маленький глоток из фляги.

Холодная вода прошла в желудок. Новый контур под рёбрами сжался, будто кто-то затянул ремень изнутри. Я остановился, дождался, пока металлический вкус ослабнет, и закрыл флягу.

Воды было достаточно, чтобы мучительно растянуть смерть.

Недостаточно, чтобы тратить её на панику.

Русло впереди спускалось между валунами. Слева стена поднималась почти отвесно. Справа камни лежали ступенями и переходили в редкий лес. Там можно было уйти с воды, спрятать запах и обойти тварь по высоте.

Я двинулся вправо.

Панцирное существо не бросилось следом. Оно подошло к месту, где я сидел, втянуло воздух и слизало с камня кровь длинным серым языком.

Падалыщик.

Живой человек интересовал его только потому, что уже достаточно напоминал падаль.

Я поднялся на первую каменную ступень. Металлическая подошва заскрежетала. Существо повернуло голову.

Слишком громко.

Я поставил копьё на камень и подтянулся. В животе прошёл новый спазм. Тёмно-зелёные линии под кожей налились жаром. Пришлось замереть, прижав левый локоть к боку.

Падалыщик продолжал идти по руслу.

Он не смотрел на меня. Отростки у пасти скользили над камнями, читая след. Иногда передняя лапа переворачивала валун размером с человеческую голову. Под ним существо находило мелкие белые организмы, собирало их языком и шло дальше.

Оно не охотилось одним способом.

Оно проверяло всё, что могло оказаться мясом.

Я добрался до плоской площадки над руслом. Оттуда открывался путь между камнями к лесу. Если удастся заставить зверя продолжить вниз, я уйду по сухой стороне.

Для приманки у меня оставался кусок мышцы водореза.

Я достал его из керамической пластины. Ткань уже остыла, но пахла кровью и потоком. К ней добавил полоску ткани, срезанную с кольцевой раны на ноге. Свежей крови выступило мало: свёртывание сразу превратило её в густую тёмную каплю.

Я завернул всё в аварийный теплоизолятор, привязал остаток кабеля и вложил внутрь камень.

Получился тяжёлый свёрток, который можно было бросить далеко и протянуть по земле, создавая ложный след.

Я дождался, когда падалыщик приблизится к развилке.

Бросил приманку вниз по руслу.

Свёрток ударился о камень и покатился. Я потянул кабель, заставляя его дёрнуться ещё на несколько метров.

Отростки у пасти существа мгновенно поднялись.

Падалыщик ускорился.

Не рывком. Его шаги стали короче и чаще, панцирь задвигался волной. Пластины скользили друг по другу, позволяя широкому телу изгибаться намного сильнее, чем я ожидал.

Он настиг свёрток, прижал передней лапой и раздавил.

Челюстные пластины сомкнулись. Камень внутри хрустнул.

Существо проглотило мясо вместе с тканью и частью теплоизолятора.

Я пополз к лесу.

Первые метры прошёл тихо. Копьё ставил на мягкий мох между камнями. Левую ногу переносил почти руками, за ремень сапога. Правая кисть лежала в перевязи, тяжёлая и холодная.

За спиной снова раздалось скрежетание.

Я оглянулся.

Падалыщик стоял над пустой обёрткой. Отростки у пасти касались места, где приманка лежала на камне. Затем один за другим повернулись не вниз по ложному следу, а к площадке, откуда я бросал.

Там остался запах моей ладони.

Свежей крови.

И капля токсичной воды, которую вырвало при спазме.

Зверь поднял голову.

Я перестал красться и пошёл быстрее.

План не провалился полностью. Приманка дала мне расстояние. Просто не то расстояние, на которое я рассчитывал.

Лес справа оказался редким только из русла. За первыми деревьями начиналась полоса каменных рёбер, тесно поставленных друг к другу. Между ними проходили узкие щели, заросшие серым мхом.

Я выбрал проход шириной меньше метра.

Падальщик не должен был войти туда плечами.

Я протиснулся боком. Копьё пришлось держать перед собой. Панцирное существо поднялось на площадку и пошло по запаху.

Земля дрожала под его весом.

Проход сужался. Я продвинулся ещё на пять метров и оказался в маленькой полости между двумя плитами. Впереди была щель, достаточно широкая для человека. Позади — коридор, где зверь должен был застрять.

Я достал монтажную пену.

Баллон оставался полупустым. Пена не удержит такую массу, но могла забить чувствительные отростки или дыхательные щели. Я снял защитный колпачок и положил баллон рядом.

Падальщик подошёл к проходу.

Плоская голова вошла первой. Отростки ощупали края камней. Передняя лапа скребнула по плите, расширяя щель.

Плечи остановились.

Я поднял копьё.

Существо втянуло голову.

На мгновение мне показалось, что оно отказалось.

Потом пластины на его спине приподнялись и легли друг на друга плотнее. Бока втянулись. Передние ноги повернулись, прижимаясь к туловищу.

Зверь развернулся почти боком и снова вошёл в щель.

Камень заскрежетал по панцирю. Шершавые края пластин срезали мох и расширяли проход. Тело сжималось волной, проталкиваясь вперёд по несколько сантиметров.

Я ошибся.

Панцирь был не только защитой. Он позволял существу менять форму и продираться туда, куда не проходило обычное тело такой ширины.

Я схватил баллон и отступил к передней щели.

Левая нога зацепилась за корень. Колено подломилось. Я упал на бок.

Падальщик рванулся.

В тесноте он не мог разогнаться, но передняя лопата достала меня. Зубчатый край прошёл по левому плечу.

Комбинезон лопнул.

Кожу не разрезало — её сняло.

Боль пришла не сразу. Сначала я увидел красную полосу на сером камне и белёсый слой собственной ткани на зубцах лапы. Потом плечо обдало кипятком.

Я закричал.

Существо потянуло лапу к пасти, соскребая мясо с зубчатого края языком.

Я ударил копьём в отростки.

Наконечник срезал два. Из ран брызнула тёмная жидкость. Падальщик дёрнул головой и навалился вперёд.

Я отполз к выходу.

Левой рукой приходилось одновременно держать копьё и отталкиваться. Правая болталась у груди. Плечо заливало кровью, но кровь быстро густела, образуя рваную корку поверх открытой мышцы.

Это спасало от истечения.

И запирало грязь прямо в ране.

Я выбрался из щели на каменный склон.
Падалыщик протиснулся следом.
Его панцирь расправился с сухим треском. Пластины снова перекрыли бока. Существо стало шире, выше и будто тяжелее.
Я бросил баллон с пеной в сторону и ударил копьём в переднее сочленение.
Наконечник вошёл между пластинами, но зверь повернулся. Древко зажало.
Я попытался выдернуть.
Падалыщик резко вскинул голову.
Копьё вылетело из руки. Меня развернуло и бросило вниз по склону.
Левая нога попала между двумя камнями.
Тело продолжило падать.
Кость хрустнула ниже колена.
Мир исчез в белом свете.
Я очнулся на спине.
Рот был открыт, но звук не выходил. Левая нога лежала под неправильным углом. Металлическая подошва смотрела в сторону, куда стопа не должна была поворачиваться.
Падалыщик спускался ко мне.
Не спешил.
Отростки вокруг пасти двигались. Два срезанных висели короткими обрубками, остальные тянулись к крови на плече.
Я попытался освободить ногу.
Камни держали голень. При малейшем движении обломки кости тёрлись внутри. Тошнота поднялась к горлу. Новый водный контур сжался и выбросил из желудка единственный недавний глоток.
Вода растеклась по камню.
Падалыщик ускорился.
Я нащупал рядом короткое копьё. Древко треснуло у крепления, но наконечник держался.
Поднять оружие левой рукой было трудно. Плечо не хотело двигаться. Снятая кожа собиралась в складку у ключицы, открытая мышца дрожала при каждом сокращении.
Я упёр копьё в камень перед собой.
Зверь подошёл.
Пасть раскрылась.
Внутри не было зубов. Две широкие пластины двигались навстречу друг другу, а между ними вращались короткие костяные рёбра. Это была дробилка для мёртвого мяса, костей и панцирей.
Он собирался начать с ноги.
Я ударил копьём в мягкую ткань между нижней челюстью и первой шейной пластиной.
Наконечник вошёл неглубоко.
Падалыщик опустил голову и толкнул.
Древко согнулось. Моя рука прижалась к груди. Плечо разорвалось ещё шире.
Я отпустил копьё и ударил зверя камнем в один из отростков.
Бесполезно.
Передняя лапа легла на моё бедро.
Вес прижал таз к земле. Когтистый край начал тянуть ткань комбинезона вниз.
Зверь не убивал одним ударом.
Он фиксировал добычу и снимал с неё доступные слои.
Я выпустил левый корневой канал.

Надорванный конец вышел только на половину обычной длины. Я направил его не к зверю, а в трещину между камнями у зажатой ноги. Волокно нашло узкий корень, обвилось и сжалось.

Я потянулся всем телом.

Корень не мог освободить ногу. Он дал опору.

Я вывернулся из-под лапы, оставив на зубчатом краю ещё полоску ткани и кожи с бедра.

Падалыщик ударил снова.

Лопата прошла над головой и разбила камень.

Я подтянулся к узкой выемке под плитой. Нога осталась зажата, но тело ушло из прямого доступа. Зверь не мог просунуть широкую голову под низкий навес.

Он начал копать.

Передние лапы работали попеременно. Камни летели в стороны. Каждый удар отдавался через зажатую ногу прямо в перелом.

Я кусал ремень перевязи, чтобы не кричать.

У меня были секунды, возможно минуты.

Я осмотрел пространство под плитой.

Слева проходила глубокая трещина. Справа лежал клиновидный валун, удерживающий край навеса. Если сдвинуть его, плита опустится. Не обрушится полностью — другой конец лежал на массивном основании. Получится каменная пасть.

Падалыщик должен войти глубже.

Я нашёл баллон монтажной пены. Он лежал на склоне в двух метрах, куда я бросил его перед падением.

Дотянуться рукой невозможно.

Корневой канал всё ещё держал трещину. Я отпустил опору и направил волокно наружу. Кончик чувствовал хуже, но различил холодный металл баллона.

Обвить гладкий цилиндр не удалось.

Я зацепился за пластиковый клапан.

Потянул.

Баллон сдвинулся.

Падалыщик ударил лапой. Камень рядом с волокном раскололся, осколок рассёк белёсую ткань.

Боль прошла от ладони до локтя.

Корень не оторвался, но на нём появился тёмный надрез.

Я продолжил тянуть.

Баллон подкатился под плиту.

Падалыщик просунул морду глубже. Отростки скользили по камню, искали меня. Пасть раскрывалась и закрывалась в нескольких десятках сантиметров от лица.

Я подобрал баллон.

Клапан погнулся, но работал.

Слева от зверя находился клиновидный валун. Чтобы освободить его, нужно было убрать два мелких камня. Левой рукой я мог добраться до одного. Второй лежал за головой падалыщика.

План требовал, чтобы тварь повернулась.

Для приманки у меня оставался фильтрующий узел водореза.

Я достал свёрток зубами и левой рукой. Развернул. Прозрачная ткань пахла водой, кровью и свежей биомассой.

Падалыщик замер.

Все уцелевшие отростки повернулись к узлу.

Я бросил его вправо, за голову зверя.

Существо дёрнулось за запахом.
Шея повернулась. Пластины разошлись с одной стороны и сжались с другой.
Между ними появилась тёмная мягкая линия.
Я запомнил место.
Затем выпустил пену прямо в раскрытую пасть.
Белая масса ударила в челюстные пластины и отростки. Падалыщик рванулся назад. Пена начала расширяться, смешиваясь со слюной и тёмной кровью.
Она не могла задушить зверя мгновенно. Пасть была слишком широкой, дыхательные щели могли находиться в другом месте.
Зато чувствительные отростки слиплись.
Существо ослепло в своём единственном понятном мне чувстве.
Оно забило под плитой, пытаясь стереть пену о камень.
Я вытащил первый мелкий валун из-под клина.
Падалыщик ударил головой вверх. Навес дрогнул. Пыль посыпалась мне на лицо.
Второй камень оставался за его шеей.
Я направил корневой канал вдоль стены. Волокно прошло над панцирем, коснулось камня и попробовало зацепить его край.
Слишком тяжёлый.
Я не мог вытащить его корнем.
Падалыщик пятился. Если он выйдет из-под плиты, ловушка исчезнет.
Я схватил обломок копья и воткнул его между шейными пластинами, где видел мягкую линию.
Наконечник вошёл на несколько сантиметров.
Тварь дёрнулась вперёд.
Это удержало её под навесом, но древко снова начало изгибаться.
Мне нужен был слабый шов.
Кислотный канал под левым указательным пальцем оставался почти пустым. После боя с водорезом прошло слишком мало времени. Я сделал два глотка воды, но новый внутренний контур забрал большую часть на собственную работу.
Я открыл флягу зубами.
Выпил ещё один маленький глоток.
Желудок сжался.
Второй.
Металлический вкус заполнил рот. Тёмно-зелёные линии на животе налились жаром.
Я не пил воду ради жажды.
Я отдавал её кислотному карману.
Под ногтем появилось давление.
Падалыщик начал вырываться. Копьё вышло из раны. Панцирь сдвинулся, закрывая мягкую линию.
Я прижал указательный палец к соединению двух пластин у основания шеи.
Напряг внутренний карман.
Ничего.
Сильнее.
Боль прошла по шраму.
На красной точке появилась крошечная прозрачная капля. Я удержал палец на месте, не давая ей стечь по ладони.
Кислота зашипела между пластинами.
Запахло палёным рогом и моей кожей.
Падалыщик рванулся.

Капля расплзлась по соединительной ткани. Она не прожгла панцирь. Только размягчила узкую полосу и вызвала судорогу мышц под ней.

Этого хватило.

Я вогнал копьё в ослабленный шов и навалился левой стороной тела.

Плечо взорвалось болью.

Наконечник прошёл глубже.

Существо ударило головой в плиту. Клин сдвинулся.

Второй мелкий камень выскочил сам.

Навес опустился на несколько сантиметров.

Панцирь принял вес.

Раздался скрежет, но пластины выдержали.

Падалыщик оказался зажат, не раздавлен. Передние лапы продолжали работать. Одна достала мою сломанную ногу и ударила по сапогу.

Кость снова сместилась.

Я закричал и почти отпустил копьё.

Пена на пасти рвалась. Отростки освобождались один за другим.

Ловушка не закончила бой.

Она только лишила зверя движения.

Я посмотрел на клиновидный валун. Он вышел наполовину. Если вытянуть полностью, плита опустится ещё ниже и прижмёт шею к камню.

До клина было меньше метра.

Между нами работала передняя лапа.

Я снял перевязь с правой руки.

Кисть выпала на грудь — чёрно-синяя, тяжёлая. Большой палец едва двигался.

Я обмотал ремень вокруг клина, используя левую руку и зубы. Свободный конец перекинул через каменный выступ.

Получился примитивный блок.

Тянуть придётся всем телом.

Падалыщик ударил лапой.

Зубчатый край прошёл по правому предплечью. Я не почувствовал пореза в кисти, только удар выше запястья. Тёмная кровь выступила и сразу загустела.

Я зажал ремень между зубами и левой рукой.

Потянулся назад.

Клин сдвинулся на палец.

Живот свело. Меня вырвало водой прямо на грудь.

Я продолжил тянуть.

Клин вышел ещё немного.

Падалыщик дёрнул головой. Плита поднялась на его панцире, возвращая часть веса.

Он был сильнее ловушки.

Я не был сильнее его.

Но камень не уставал.

Я переставил ремень, упёр здоровую правую пятку в стену и потянул снова.

Клин выскочил.

Плита рухнула.

Шейные пластины треснули. Голова падалыщика ударилась о нижний камень. Пасть закрылась на собственных отростках. Передние лапы несколько раз ударили по земле и замерли.

Я лежал рядом, не отпуская ремень.

Существо ещё двигалось. Под панцирем проходили медленные волны. Тёмная жидкость текла из раны, сделанной копьём.

Я подполз ближе.

Левая нога оставалась зажатой между камнями. Теперь, когда тварь не копала, я мог освободить её, но сначала нужно было убедиться, что падальщик не встанет.

Я взял короткий обломок копья.

Вставил наконечник в размягчённый кислотой шов.

Толкнул.

Металл вошёл до камня под шеей.

Тело дёрнулось последний раз.

Я держал копьё ещё долго.

Потом отпустил.

Лес вокруг русла продолжал жить. Вода текла по камням. Где-то в кронах перекликались далёкие существа. Для мира ничего важного не произошло.

Для меня закончилась возможность идти.

Я освободил левую ногу.

Камни разошлись после нескольких ударов обломком копья. Голень лежала криво. Под кожей выпирал острый угол, но кость не прорвала её. Повреждённый сапог и металлическая подошва частично удержали от открытого перелома.

[СИСТЕМА\] Перелом костей голени: вероятный, со смещением.

[СИСТЕМА\] Нагрузка на конечность не рекомендована.

— Серьёзно?

Голос дрожал.

Я не мог оставить кость в таком положении. Отёк увеличивался. Сосуды могли пережаться, и тогда к правой кисти добавится мёртвая левая ступня.

Обезболивания не было.

Я положил ремень между зубами.

Одной рукой зафиксировал колено. Второй руки, способной тянуть стопу, не существовало.

Пришлось использовать корневой канал.

Белёсое волокно вышло из левой ладони. Надрез на нём болел, но сокращение сохранялось. Я обвил им кабель на металлической подошве и потянул ступню от себя, одновременно прижимая колено локтем.

Первое движение ничего не исправило.

Только заставило обломки кости скользнуть друг по другу.

Я заорал в ремень.

Остановился.

Вдохнул.

Повторил.

На этот раз голень вытянулась. Угол под кожей уменьшился. Стопа повернулась ближе к нормальному положению.

Я не пытался добиться идеального совмещения.

Мне нужно было вернуть кровоток и возможность наложить шину.

Из внутренней стороны панциря падальщика выступали узкие гладкие пластины, которыми перекрывались края сегментов. Я вырезал две ножом. Лезвие скользило, поэтому пришлось использовать шов, размягчённый кислотой, и трещины от плиты.

Одна пластина легла вдоль внешней стороны голени. Вторая — вдоль внутренней.

Между ними я проложил аварийный теплоизолятор. Стянул всё кабелем и остатком ремня.

Копьё пришлось разобрать. Техническая ручка стала третьей жёсткой опорой для шины. Металлический наконечник я сохранил отдельно.

Основного оружия больше не было.

Только нож, мультитул и короткий острый кусок металла.

Левая нога превратилась в тяжёлую прямую конструкцию. Наступить на неё было невозможно.

Плечо болело сильнее перелома, когда я переставал двигаться.

С зубчатого края лапы свисал кусок моей кожи. Область от ключицы до верхней трети плеча оставалась открытой. Мышца была покрыта грязью, пеной и тёмными сгустками. Обычная перевязка прилипнет и оторвётся при первом движении.

Я промыл рану небольшим количеством воды.

Контур в животе сжался от потери доступной жидкости, будто понимал, что я вылил ресурс наружу.

Выбора не было.

Один пакет теплоизолятора я разрезал и положил гладкой стороной на плечо. Закрепить его одной рукой оказалось почти невозможно. Пришлось привязать кабель к зубам, обвести вокруг груди и затянуть.

Повязка держалась плохо.

Каждый вдох сдвигал её.

Панцирное существо лежало под плитой. Туша не растворялась. Из разбитых пластин выходил запах тёплого минерала, крови и жирной земли.

Голод отозвался сразу.

Не обычный желудочный.

Корневой рубец в ладони натянулся, а тёмные линии на животе стали заметнее. Организм видел свежую массу, воду, белок и структуры, которые могли закрыть открытую рану.

Я боялся не того, что поглощение не поможет.

Я боялся, что поможет неправильно.

После каждого спасения моё тело оставляло себе часть врага. Кроволист дал корни и голод. Кровососы остановили кровь и почти убили руку. Кислотная железа Плевуна создала оружие, которое жгло меня. Водорез позволил пить и превратил каждый глоток в отравление.

Теперь передо мной лежала броня.

Если организм решит покрыть панцирем всё тело, я не встану.

Если укрепит кость вокруг неправильного смещения, нога останется кривой.

Если утолстит сосуды правой кисти, тромб может стать окончательным.

Я не хотел снова совать корень в тушу наугад. Сам панцирь был слишком массивным и бесполезным сейчас; куда интереснее выглядело то, что позволяло зверю таскать эту броню и не рваться под её весом. Я полез под пластины за плотной кожей, боковыми связками и сухожилиями тяжёлых лап.

Я вскрыл участок у переднего плечевого сустава падальщика.

Под сланцевой пластиной лежала тёмная кожа толщиной с палец. Её пересекали серебристые волокна, уходившие в широкий сухожильный веер. Ткань была свежей и ещё сокращалась.

Я вырезал небольшой кусок.

Положил на камень.

Левый корневой канал вышел медленно. Повреждённый кончик дрожал. Я коснулся разреза и позволил волокну войти только на несколько миллиметров.

Поглощение началось.

В ладонь пошла плотная тяжёлая ткань, совсем не похожая ни на прохладную мякоть водореза, ни на обжигающую железу кислотного хищника. Организм разбирал её на строитель-

ный материал, и сильнее всего ощущалась жёсткая упругая волокнистость, словно я втягивал в себя сырой ремень вместе с мясом.

Я остановил контакт через несколько секунд.

Корень втянулся.

Боль появилась в левом плече.

Сначала под открытой раной.

Мышца сжалась, будто к ней приложили раскалённую пластину. Края содранной кожи начали темнеть. Не заживать — меняться.

Я упал на спину.

Новая ткань росла отнутри кнаружи. Волокна проходили через рану, соединяя мышцу с остатками кожи. Они стягивались слишком сильно, тянули ключицу вниз и ограничивали сустав.

Под повязкой что-то хрустело.

Я сорвал теплоизолятор.

На открытом плече появлялись тёмные островки. Сначала тонкие, блестящие, почти чёрные. Потом они утолщались и соединялись, образуя неровную заплату.

Вместо жёстких пластин рана затягивалась грубой, но всё ещё гибкой кожей, разбитой мелкими ромбическими линиями. Под ней между мышцей и новым покровом формировались широкие сухожильные ленты.

Боль поднялась к шее.

Левая рука выгнулась. Пальцы сжались. Ногти потемнели у основания и начали утолщаться, выталкивая старую прозрачную кромку вперёд.

Я пытался расслабить плечо.

Не мог.

Судорога держала сустав, пока новые волокна закреплялись вокруг него.

\\СИСТЕМА\\ Структурная перестройка кожи и соединительных тканей.

\\СИСТЕМА\\ Дефицит жидкости.

\\СИСТЕМА\\ Дефицит минеральных соединений.

Я схватил флягу.

Сделал один глоток.

Контур живота свело.

Второй.

Вода осталась внутри, но металлический вкус усилился.

Третий я не смог проглотить. Желудок выбросил его обратно.

Перестройка продолжала требовать воду.

Организм забрал её из собственных тканей.

Губы высохли. Глаза резало. Мышцы ног свело, включая сломанную голень внутри шины.

Я лежал между трупом и потоком, пока боль не стала терпимой.

Свет над руслом почти исчез.

Когда я смог сесть, левое плечо выглядело чужим.

Тёмная плотная кожа закрыла большую часть содранной области. Края оставались красными и воспалёнными. Новая поверхность чувствовала давление и температуру, но лёгкое касание воспринималось глухо, словно через толстую ткань.

Я провёл по ней повреждённым ногтем.

Царапина осталась светлой линией и быстро исчезла.

Обычный порез не раскрыл бы её так легко, как прежнюю кожу.

Царапина на новом покрове почти сразу исчезла, зато плечо стало тяжёлым и тугим. Я попробовал поднять левую руку.

До уровня груди получилось.

Выше сустав остановился. Плотные сухожилия не растягивались. Плечо весило так, будто к нему привязали пластину металла. При попытке отвести руку назад боль прошла к шее и рёбрам.

Основная рабочая рука стала защищённее и почти наполовину менее подвижной.

Правая оставалась чёрно-синей.

Левая нога — сломанной.

Ногти на левой руке утолщились и стали тёмно-серыми. На правой изменения появились только у основания большого пальца, куда ещё доходила кровь. Мёртвые на вид пальцы не приняли перестройку.

Контраст был слишком наглядным: там, куда кровь почти не доходила, пальцы оставались холодными и чёрными, а перелом под шиной никуда не делся. Комплекс отметил лишь стабилизацию; кости всё ещё требовали времени, воды и нормального положения.

У меня не было ни одного из трёх в достаточном количестве.

Я пересобрал остатки снаряжения. Фляга стала легче почти на треть, один пакет теплоизолятора был испорчен кровью, монтажная пена закончилась, кабеля оставалось мало, а копьё пришлось разобрать. Из оружия у меня теперь были лишь погнутый нож, мультитул и металлический наконечник длиной с ладонь.

Я срезал с падальщика ещё две тонкие внутренние пластины. Не для поглощения. Они могли стать инструментом, защитой или частью следующей шины.

Потом нашёл его слабость окончательно.

Панцирные сегменты выдерживали удары, но крепились на мягких боковых связках. Голова втягивалась под шейные пластины. Органы чувств находились в отростках вокруг пасти. Существо не преследовало здоровую быструю добычу. Оно шло на кровь, слабость и неподвижность, проверяло камни лопатами и снимало мясо слоями.

Панцирник.

Рабочее название подходило лучше, чем «падальщик». Падалью для него мог стать любой, кто перестал двигаться достаточно быстро.

Я посмотрел на русло.

До ближайших деревьев было около двухсот метров. Среди них возвышался один гигантский ствол, толще остальных. Его корни образовывали тёмные полости у основания.

Укрытие.

Путь до него с исправными ногами занял бы несколько минут.

Я не мог встать.

Пришлось сделать волокушу.

Один кусок панциря положил под левую ногу. Привязал шину к пластине остатком кабеля, чтобы она скользила по камням. Вторую пластину закрепил на правом предплечье как щит, хотя кисть не могла её удерживать.

Для опоры оставался только обломок технической ручки. Вынуть её из шины было нельзя. Я взял плоский камень и обмотал его тканью, получив скользящую подставку для левой ладони.

Двигаться можно было одним способом.

Сесть.

Поставить правую ногу.

Упереться левой рукой.

Подтянуть тело.

Перетащить сломанную ногу.

Повторить.

Первое движение отняло больше сил, чем десяток шагов утром.

Второе вызвало спазм живота.

На третьем тёмная кожа плеча натянулась, но не разорвалась.
Это была её польза.

Я полз.

Русло медленно оставалось позади. Панцирник лежал под плитой, часть его панциря блесла в последнем свете. Запах крови тянулся за мной, несмотря на сгустки и новую кожу.

Через пятьдесят метров правая кисть начала болеть.

Не вся.

Только большой палец и участок запястья.

Остальные пальцы не чувствовали ничего.

Я остановился и посмотрел на них.

Мизинец у ногтя стал чёрным. Безымянный — почти таким же. Кожа между ними оставалась холодной.

Панцирная перестройка не спасла руку.

Она потратила воду и силы, которые могли понадобиться для борьбы с тромбом.

Я продолжил ползти.

В лесу справа что-то коротко пискнуло.

Ответ пришёл слева.

Мелкие быстрые звуки перемещались между корнями.

Запах крови нашёл новых хозяев.

До гигантского дерева оставалось меньше ста метров.

Я подтянул сломанную ногу, прижал к груди чёрную кисть и пополз быстрее.

Панцирь дал мне кожу, которую было труднее разорвать.

Он не дал возможности остановиться.

Глава 7 — Тромб

Первый писк пришёл справа.

Второй — слева, на полтона ниже.

Я замер посреди каменного русла, опираясь левой ладонью на обёрнутый тканью камень. Сломанная нога лежала на панцирной пластине позади, шина цеплялась за каждый выступ. До гигантского дерева оставалось меньше ста метров.

При обычных обстоятельствах я преодолел бы это расстояние за несколько секунд.

Сейчас между мной и укрытием лежало примерно пятьдесят подтягиваний, каждое из которых двигало обломки костей внутри голени и натягивало новую тёмную кожу на левом плече.

Писк повторился.

Я медленно повернул голову.

В папоротниках мелькнуло серое тело — низкое, длинное, не выше колена. Потом исчезло. С другой стороны по камню прошёл быстрый перестук мелких лап.

Они не нападали.

Пока.

Я подтянул правую руку к груди. Перевязь пришлось снять во время боя с панцирником, и кисть теперь лежала на животе, тяжёлая, холодная и почти чёрная у пальцев. Большой палец ещё отзывался слабым движением. Указательный дрогнул, когда я приказал ему согнуться. Безымянный и мизинец не чувствовали даже давления ногтя.

Тёмная полоса под кожей предплечья поднялась ещё на несколько сантиметров.

[СИСТЕМА] Кровоснабжение дистальных тканей: критическое.

[СИСТЕМА] Риск необратимого повреждения: высокий.

Ничего нового.

Только слово «необратимого» стало конкретнее.

Я прижал кисть к боку, растёр запястье левой ладонью и почувствовал редкую слабую пульсацию выше плотного участка. Ниже — почти ничего.

Разрезать сосуд в лесу, одной рабочей рукой, без антикоагулянта и нормального света было способом ускорить потерю конечности, а не спасти её.

Ампутация тоже оставалась вариантом.

Плохим.

Но уже не невозможным.

В папоротнике снова мелькнуло движение.

Я взял металлический наконечник, оставшийся от копья, и зажал его в левой руке. Получился нож длиной с ладонь, без удобной рукояти. Настоящий нож висел на поясе, но погнутое лезвие заедало в ножнах, а для быстрого удара требовалось поднять тяжёлое плечо выше груди.

Я продолжил ползти прежним мучительным способом: сел, поставил правую ступню, упёрся левой ладонью и подтянул таз. Панцирная пластина за спиной заскрежетала по камню, утягивая за собой сломанную ногу. Боль прошла через шину, поднялась до паха и ударила в поясницу.

Я остановился, дождался, пока белая пелена перед глазами станет прозрачнее.

Повторил.

Лес по краям русла темнел. Между корнями загорались голубые мешочки растений. В их свете гигантское дерево впереди казалось частью неба: ствол уходил вверх широкой стеной, а корни лежали на земле, как окаменевшие волны.

Под одним корнем темнела полость.

Сухая или хотя бы не залитая водой.

Цель была простой: добраться внутрь, закрыть один подход и пережить ночь.
Все существа вокруг, судя по звукам, считали план слишком оптимистичным.
Я прошёл ещё десять метров.

Первое нападение заняло меньше секунды.

Серое тело вылетело из травы справа, коснулось земли двумя передними лапами и развернулось в воздухе. Я увидел узкую морду, четыре блестящих глаза, поставленных по два друг над другом, и пасть, открывающуюся не вниз, а в стороны.

Прозрачные зубы сомкнулись на краю панцирной волокуши.

Тварь дёрнула.

Сломанная нога поехала назад.

Я ударил наконечником, но существо уже отпустило пластину и исчезло в папоротнике.

Слева ответили два коротких щелчка.

Они проверяли, что можно утащить.

Не добычу целиком. Сначала снаряжение, шину, слабую конечность.

Я развернул волокушу ближе к правому боку и связал её остатком кабеля с поясом. Кабеля было так мало, что узел получился почти без хвоста. Если его перегрызут, заменить будет нечем.

Следующая тварь появилась впереди.

Она стояла на валуне и не пряталась. Размером с крупную лису, но тело длиннее и ниже. Шесть тонких лап сгибались в двух местах. Серую кожу покрывали свободные складки, которые прижимались к бокам, когда существо напрягалось. За короткой головой рос плоский гребень из трёх костяных пластин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.